UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322576 0

PG
3460
G5M3

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/makovtsvietdrama00gipp

35

МАКОВЪ ЦВѢТЪ

ДРАМА

З. ГИППІУСЪ,

Д. МЕРЕЖКОВСКАГО и Д. ФИЛОСОФОВА

ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРНО ХУДОЖЕСТВА

З. ГИППІУСЪ
Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ
Д. ФИЛОСОФОВЪ

МАКОВЪ ЦВѢТЪ

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ М. В. ПИРОЖКОВА
1908

LIBRARY
DEC 07 1976
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3460
G5M3

Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина. Екатерин. кан. 71—6.

Въ голубые, священные дни
Распускаются красные маки.
Здѣсь и тамъ лепестки ихъ—огни
Подаютъ намъ тревожные знаки.

Скоро солнце взойдетъ.
Посмотрите—
Зори красныя.
Выносите
Стяги ясные.
Выходите
Впередъ
Дѣвицы красныя.

Краснымъ полымемъ всходитъ Любовь.
Цвѣтъ Любви на землѣ одинаковъ.
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганныхъ маковъ.

Дѣйствіе первое

18-е октября 1905 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АРСЕНІЙ ИЛЬИЧЪ МОТОВИЛОВЪ. Профессоръ филологъ. Подъ 60. Худой, болѣзненный, нервный. Не безъ благородства.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА, жена его. Тихая, скорѣй полная. Не суетлива, проста.

АННА АРСЕНЬЕВНА БУНИНА. Лѣтъ 36. Увядшая, восторженная, всегда въ волненіи, вдова.

СОНЯ. Блѣдная, худенькая, нервная дѣвушка лѣтъ 25.

АНДРЕЙ. Студентъ. Обыкновенное молодое лицо.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ ЛЬВОВЪ. Генералъ-лейтенантъ. Братъ Натальи Петровны. Добродушенъ, безъ военной выправки.

ІОСИФЪ ІОСИФОВИЧЪ БЛАНКЪ. Еврей. Молодъ, но не юноша. Говоритъ безъ акцента.

ЕВДОКИМОВНА. Старуха нянька. Готовитъ и завѣдуетъ хозяйствомъ.

ФИМА. Молоденькая деревенская горничная.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ квартирѣ Мотовиловыхъ.

Столовая въ домѣ Мотовиловыхъ. Арсеній Ильичъ и Наталья Петровна кончаютъ поздній обѣдъ. На столѣ канделябръ со свѣчами. Фима убираетъ посуду. Входитъ Евдокимовна.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Фима, Евдокимовна

(Во время перваго явленія Фима то входитъ, то уходитъ).

Евдокимовна

Кофей прикажете подать?

Нат. Петровна

Кофе? Нѣтъ, няня, подавай лучше прямо самоваръ. Ужъ поздно. Подойдутъ, такъ чаю сразу напьются.

Евдокимовна

Слава Богу, девятый часъ. Сонюшка хоть позавтракавши убѣжала, а вотъ Андрей-то Арсентьевичъ съ самаго что ни на есть утра ни чаю не выпилъ, ни что. Фимка въ булочную только побѣжала, а онъ, гляжу, черезъ кухню, ужъ въ пальтѣ, и готово дѣло. Куда? Что? Хоть бы чаю то выпилъ. А теперь и не пообѣдавши.

Нат. Петровна

Ну, онъ часто къ обѣду не приходитъ. Съ чаемъ закуситъ чего-нибудь.

Евдокимовна

А тутъ Фимка изъ булочной бѣжитъ: флаги, говоритъ, вездѣ навѣшиваютъ по улицамъ, и спокойствія нѣтъ, а дворники между собою гурчатъ. А изъ окна-то выглянула, — дѣйствительно, правда, флаги! Что такое, почему? Ясное дѣло, потому что—бунтъ.

Нат. Петровна

Да, вѣдь, говорили тебѣ, няня, что флаги по случаю манифеста. Манифестъ вышелъ о свободѣ. Никакого бунта нѣтъ.

Евдокимовна (*ехидно*)

Нѣту! То-то оно и видно, что нѣту! Лавки это позабиты, куру и то Христомъ Богомъ у Иванъ Федотьича, съ воротъ ходила, выпросила, а свѣчей нѣтъ и нѣтъ, и лампы, какъ не горѣли, такъ и не горятъ. Ужъ коли-бы манифестъ, такъ лампы-то первымъ бы дѣломъ зажглись! А вы хоть на улицу извольте взглянуть: тьма тьмущая. Ясное дѣло: бунтуютъ и бунтуютъ. Тьфу! Чтобъ имъ на свою голову!

Нат. Петровна

Ты самоваръ-то неси. Поставленъ онъ у тебя?

Евдокимовна

Вотъ еще, спасибо, вода есть сегодня. А съ завтрашняго дня, мнѣ самъ старшій говорилъ, опасайтесь, говоритъ, очень и очень, потому что по всѣмъ видимостямъ будетъ и забастовка воды.

Арсеній Ильичъ

Да брось ты болтать, Евдокимовна. Говорятъ тебѣ, манифестъ. Что они просили— дали, и теперь забастовки прекратятся.

Евдокимовна (*всплескивая руками*)

Дали? Это еще, какъ свѣтъ стоитъ, не бывало, чтобъ бунтовщикамъ дали бунтовать! На-те молъ, пожалуйте!

Фима (*вноситъ самоваръ*)

Дарья Евдокимовна, а поглядить! кажись воду въ куфнѣ заперли!

Евдокимовна

Вотъ оно! Вонъ онъ манифестъ-то! (*Фимѣ*). А ты то же! заперли, заперли! Дверь-то лучше запирай. На лѣстницѣ, на черной, тростишь съ разными личностями. Больно бойка стала, бунтовщица!

Фима (*обижается*)

Да что это, право, Дарья Евдокимовна, словами ругаетесь. Съ которыхъ это поръ, бунтовщица да бунтовщица! Я и сама ихъ смерть боюсь. Звали позавчера прислугу въ 24-й номеръ, митинка, что-ли, какая-то, разговоры молъ будутъ...

Евдокимовна (*перебивая*)

Ну, да, чтобъ противъ подняться...

Фима

Такъ пошла я что-ли? Ну ихъ совсѣмъ и съ митинкой. Страсть и страсть. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

Тѣ же безъ Фимы

Евдокимовна

Небось, допрыгаются. Ноньче, какъ ужъ сильно-то взбунтовало ихъ, такъ Иванъ Корнѣичъ говорилъ, — на Загородномъ столько понабили, самъ онъ едва въ ворота спрятался. Не болѣе какъ два часа назадъ и пришелъ.

Нат. Петровна (*взволнованно*)

Да ну, няня, можно ли такіе пустяки? Опять тебѣ кто-то вздору наговорилъ. Ничего этого не было. Вонъ звонятъ. Вѣрно Соня.

Евдокимовна

И то. Ка-бы далъ Богъ Сонюшка. У меня ныньче какъ вздумаю о Сонюшкѣ, такъ ноги и подгибаются. Такъ и подгибаются. И чего глядѣть? Кофточку коротенькую

надѣла—побѣжала (*уходя*). А ужъ насчетъ Загороднаго—это какъ угодно. Это Иванъ Корнѣичъ собственными глазами видѣлъ. Врать не будетъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ

Нат. Петровна, Арсеній Ильичъ

Нат. Петровна

Правда, хоть-бы Соня. Евдокимовна вѣчно со своими ужасами. И знаешь, что половину навыдумаетъ, и все же какъ-то безпокойно. *Входитъ Петръ Петровичъ (въ походной формѣ), за нимъ Евдокимовна.*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арсеній Ильичъ, Нат. Петровна, Генералъ, Евдокимовна

Нат. Петровна

Пьерушка! Ты какъ попалъ?

Генералъ

Евдокимовна, рюмку водки генералу и закуски какой-нибудь. Живо.

Евдокимовна

Сейчасъ, сейчасъ, батюшка (*достаетъ изъ буфета водку и закуску*)

Генералъ

Объѣзжалъ свой районъ. Былъ рядомъ въ манежѣ. Вотъ и зашелъ. Два дня не видѣлись.

Арсеній Ильичъ

Ну разсказывай, что знаешь. Вѣдь мы сидимъ, никого не видаемъ.

Евдокимовна (*держа подносъ съ закуской*)

Кушайте на здоровье.

Генералъ

Да что тутъ разсказывать! Никто ничего толкомъ не знаетъ. Вчера стрѣляли, а сегодня прячься, пусть красные флаги гуляютъ! Да и сегодня стрѣляли.

Нат. Петровна

Какъ сегодня? Такъ правда стрѣляли?

Генералъ

Да, у Технологическаго.

Евдокимовна

Говорила я вамъ, барыня, старой дурой обозвали. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ

Тѣ же безъ Евдокимовны

Арсеній Ильичъ

Чепуха какая-то. Ничего не разберешь.

Генералъ

Ну, а дѣти что?

Арсеній Ильичъ

Анюта у насъ все суетится. Съ дѣтьми одной ей не справиться. Мальчишки взбунтовались. У Васи револьверъ нашли. Чортъ знаетъ что!

Генералъ

Ну, а невѣста?

Нат. Петровна

Да вотъ пропала. И она и Андрей. Ждали обѣдать — не пришли. Соня-то радостная была сегодня, а за Андрея тревожно. Подумай, Пьерушка, давно ли онъ со своей университетской „Денницей“ возился, декадентскіе стихи писалъ... А теперь... Тяжело теперь съ дѣтьми. Что я могу дать имъ? Только молюсь за нихъ, можно сказать, ежечасно. Ужъ скорѣй бы Богъ помогъ Сонину свадьбу сыграть. Измучились они оба, и Соня и Борисъ.

Генералъ

Свадьба, свадьба! Я до сихъ поръ съ проклятой консисторіей раздѣлаться не могу. Прежде проще было, по тарифу. А теперь безсребренниками стали, опасаются. Да и некогда мнѣ. Какъ собаку гоняютъ.

Арсеній Ильичъ

А Борисъ что же не хлопочетъ?

Генералъ

Да гдѣ ему? Дни и ночи въ охранѣ. Вчера я взялъ да и хватилъ письмо вла-

дыкѣ. Вѣдь онъ ужъ съ мѣсяцъ, какъ обѣщалъ мнѣ разрѣшеніе дать, а вотъ ничего.

Нат. Петровна

А что Боря какъ? бодрый?

Генералъ

Вотъ ты, Наташа, про Андрея говорила. А Боря? Помнишь, какъ на войну отправляли? Все бросилъ, полетѣлъ. Вотъ и война прошла. Вернулся, и еще женихомъ. А точно война-то эта его и подкосила.

Нат. Петровна

Ну, не подкосила, а задумчивый онъ какой-то сталъ. Я это и на Сонѣ замѣчаю. Господи, да что же тутъ удивительнаго? Вмѣстѣ, вѣдь они съ Соней Мукденъ этотъ пережили. Я и теперь какъ вспомню Сонины разсказы, просто дрожь и ужасъ. До чего только люди могли дойти.

Арсеній Ильичъ

Рѣшительно не везетъ Сонѣ съ Борисомъ. Ужъ кажется заслужила счастье. (*Улыбаясь*). Героиня вѣдь она у насъ. Какъ

мы боялись за нее — да не удерживать же насильно. Уѣхала, образцовая, говорятъ, сестра милосердія была. Удивительная у женщинъ устойчивость нервъ. Но, однако, и довольно бы, имѣетъ, кажется, право о себѣ подумать.

Нат. Петровна

До поста-то все равно не успѣть. А ужъ въ январѣ непремѣнно надо бы.

Арсеній Ильичъ

Андрей насъ очень безпокоитъ. Какъ только забастовка кончится, хотимъ его заграницу отправить. Нечего ему здѣсь дѣлать.

Нат. Петровна

Да, долго ли до бѣды. Онъ все время какъ въ лихорадкѣ. Можетъ быть, тамъ, въ нормальной обстановкѣ, хоть немного успокоится.

Арсеній Ильичъ

Съ нимъ сладу нѣтъ. Ни онъ насъ, ни мы его не понимаемъ. Я какого-нибудь Бланка въ тысячу разъ больше понимаю. Ну, соціалъ-демократъ и соціалъ-демок-

ратъ. Тутъ хоть своя научность есть. А чего Андрей хочетъ — неизвѣстно. Не то романтизмъ, не то хулиганство.

Генералъ

Что ужъ это ты. Только брюзжишь. Парень онъ у васъ хорошій. *(Пауза)*.

Нат. Петровна

Господи, какъ въ этой темнотѣ тоскливо. Когда же они забастовку кончатъ? (*Входитъ Анна Арсеньевна. За нею Евдокимовна*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

Тѣ же и Анна Арсеньевна съ Евдокимовной.

Евдокимовна

Ужъ нельзя же безъ этого. Неровенъ часъ. И съ крюкомъ-то, и то нѣтъ никакого спокойствія. Придутъ шайкой и сорвутъ, очень просто.

Нат. Петровна

Это ты, Анюта? А мы думали или Соня или Андрей.

Анна Арсеньевна

Что, пропали? Няня ужъ жаловалась. Дядя Петя, здравствуйте. Ну съ вами нигдѣ не страшно. А вы представьте только, Евдокимовна меня впускать не хотѣла. Кричала, окликала, а потомъ, какъ начала болты отмыкать... Давно это вы такъ запираться стали?

Арсеній Ильичъ

Это все Евдокимовна. Крѣпость устроила.

Евдокимовна

Они ныньче сквозь швейцара проходятъ. Что швейцаръ можетъ сдѣлать? Ничего имъ швейцаръ не можетъ сдѣлать. А крюкъ хоть и сорвутъ, такъ все не сразу.

Анна Арсеньевна

Пожалуй и намъ лучше крюкъ прибить? У насъ швейцаръ такой глупый. Вялый какой-то и глупый. И вообще...

Нат. Петровна

Да пустяки, Анюта. Евдокимовна уже извѣстная у насъ. Какія тамъ шайки будутъ ходить.

Арсеній Ильичъ

И, главное, двѣ недѣли все болтала. А сегодня утромъ слышу стукъ, привела дворниковъ и дѣйствительно навѣсила. Ради манифеста. Ей тутъ объявляютъ неприкосновенность личности, а она крюкъ.

Евдокимовна (*сердито*)

Вотъ ладно. Теперь смѣетесь, а какъ придутъ эти самыя личности, такъ еще поблагодарите Евдокимовну-то за крюкъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ

Тѣ же безъ Евдокимовны

Анна Арсеньевна

Нѣтъ, право, мнѣ какъ-то съ нашимъ замкомъ безпокойно стало. И швейцаръ невѣроятно, невѣроятно вялый. И вообще... Что-же Соня-то у васъ? Давно, что-ли, ушла? На демонстрацію? Ахъ, эти демонстраціи. Что я пережила, вотъ и вчера и третьяго дня, а сегодня...

Нат. Петровна (*безпокойно*)

Сегодня? Ты была гдѣ-нибудь?

Анна Арсеньевна

Нигдѣ я, рѣшительно нигдѣ не была, а это все Шура. Взяла съ него честное слово, что дома останется. И вся дрожу, потому что Вася тоже дома. Непремѣнно они опять передерутся. И все изъ-за убѣжденій. И вообще...

Арсеній Ильичъ

По 14 лѣтъ мальчишкамъ—съ убѣжденіями ихъ не справишься.

Анна Арсеньевна

И откуда? Что такое? Близнецы, вмѣстѣ росли, въ одной гимназіи учились, — и вдругъ... видѣть другъ друга не могутъ. Оба крайніе. Представить только! Шура революціонеръ, а Вася монархистъ. Ужасъ, ужасъ. Я ужъ рѣшила, заграницу ихъ увезу, въ Англію. Это мой долгъ. И вообще...

Генералъ

Ну, и долгъ материнскій нынче! Изъ сыновей англичанъ дѣлать.

Анна Арсеньевна

А вы злой, дядя, злой. Вамъ что? У васъ все отлично устраивается. Боря отличный, женится въ своей же семьѣ, на такой дѣвушкѣ, какъ Соня... не революціонеръ... Вамъ только радоваться на дѣтей, и вообще... Мнѣ и самой на Соню съ Борисомъ глядѣть пріятно. Такъ любятъ другъ друга!

Арсеній Ильичъ

Глядѣть-то не на что пока. И Борисъ давно не заѣзжалъ, да и Сони все нѣтъ. То одна, то съ Андреемъ уходитъ.

Нат. Петровна

Вотъ она. Слава Богу.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ

Тѣ же и Соня съ Бланкомъ

Соня

Ну, что? Безпокоились? А я по улицамъ ходила. Сначала одна, а на Казанской площади Іосифа Іосифовича увидѣла. Ораторствовалъ. Меня даже не узналъ. Властво-

валъ надъ толпой. Гдѣ ужъ тутъ мелкую букашку примѣтить. А что Андрея нѣтъ?

Нат. Петровна

Все еще нѣтъ. Боюсь я за него.

Соня

Ничего, мамочка, придетъ. Ужъ не знаю, что дальше будетъ, а сегодня хорошо. И погода-то какая была. Первый свѣтлый день. Радостно. Просто не вѣрится. Цѣлый лѣсъ красныхъ знаменъ и никакихъ войскъ. Городовые знаменамъ честь отдаютъ.

Евдокимовна

Знаемъ честь-то эту. На Загородномъ-то отдали. Палили-палили.

Соня

Ахъ, няня. Не скули. Дядя, ну, а Боря что, здоровъ? До университета было не добраться. На балконѣ ораторы, флаги висятъ...

Генералъ

Боря все въ охранѣ.

Бланкъ

А кто-то ухитрился влѣзть на крышу и привязать красный флагъ къ самому кресту.

Нат. Петровна

Какъ, къ кресту?

Соня

Устала я очень, а то еще-бы ходила. Кажется мимо насъ скоро пойдутъ. Въ предварилку. Хотятъ политическихъ освобождать. Хорошій день.

Нат. Петровна

А мнѣ на тебя смотрѣть весело, Соня, милая. Ты сегодня одна изъ насъ всѣхъ простая, свѣтлая. Я дѣвочкой пережила такой день. 19-е Февраля. Помнишь Пьерушка?

Генералъ

Ну, много мы понимали тогда что дѣлалось.

Нат. Петровна

Праздникъ-то чувствовали. Святость какую-то. Теперь я старуха, а этотъ святой

день никогда не забуду. Вотъ и нынче день святой, день свободы, а на душѣ какъ то тяжко. Городъ темный, мертвый, тутъ стрѣляютъ, тамъ стрѣляютъ. Страшно.

Бланкъ

Да, радоваться-то еще рано.

Арсеній Ильичъ

Ну перестаньте каркать. Я, по крайней мѣрѣ, радуюсь.

Нат. Петровна

Евдокимовна, вели самоваръ разогрѣть. Іосифъ Іосифовичъ, Соня, проголодались?

Арсеній Ильичъ

Всего вамъ, Бланкъ, мало. До чего вы всѣ нежизненны и утопичны.

Бланкъ

Да я вовсе вамъ не мѣшаю радоваться. Радоваться никогда не вредно. И день что-жъ? День свое значеніе имѣетъ.

Генералъ

Ну-съ я иду. Пора. Заморилъ червячка. Вѣдь мнѣ сегодня и пообѣдать не дали.

Соня

Прощайте, дядичка. Борю поцѣлуйте.

Генералъ

Вотъ дастъ Богъ, забастовка проклятая кончится, такъ посвободнѣй ему будетъ, прибѣжитъ.

Нат. Петровна

Господь съ тобой, Пьерушка, не забывай насъ. (*Идетъ съ Генераломъ въ переднюю*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ

Арсеній Ильичъ, Анна Арсеньевна, Бланкъ и Соня

Бланкъ

А мнѣ сдается, Софья Арсеньевна, жениха-то не такъ скоро увидите. Забастовка еще не такъ скоро кончится. Часъ не пробилъ. Рано еще пролетаріату руки складывать.

Арсеній Ильичъ (*невспокойно*)

Скажите, пожалуйста! Рано! Чего-же еще? Ну, до манифеста я еще понималъ, я, такъ сказать, допускалъ всѣ эти забастовки, но, позвольте, какой же смыслъ теперь? Ужъ не говоря о томъ, что я въ принципѣ врагъ всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило... А забастовка...

Бланкъ

Въ принципѣ вы ее не допускаете никогда, а на практикѣ—до манифеста. Такъ?

Арсеній Ильичъ

Да, да и да. Вы отлично понимаете, что я хочу сказать. А я отлично понимаю, что вы всѣ насъ толкаете, такъ сказать, въ анархію.

Бланкъ

И при чемъ тутъ анархія? А что вамъ, какъ всей буржуазіи, многаго не нужно—это правда. Пролетаріатъ вытащилъ вамъ каштаны изъ огня — а теперь пусть идетъ въ старую дырку. Ну, да не на таковскихъ напали...

Анна Арсеньевна

Опять ссоры и споры! Какъ эта политика надоѣла!

Соня

Знаешь, Анюта, я прежде сама такъ думала. А вотъ на войнѣ увидала, что значитъ политика, когда изъ-за этой самой политики люди зря умирали. (*Входитъ Наталья Петровна*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ

Тѣ же, Наталья Петровна и Евдокимовна

Нат. Петровна

А Андрея-то все нѣтъ и нѣтъ.

Анна Арсеньевна

Какъ хотите, я иду. Домой надо. Что-то мои буяны дѣлаютъ; и вообще...

Нат. Петровна

Іосифъ Іосифовичъ. Онъ вамъ ничего не говорилъ? Вы не знаете, что онъ сегодня дѣлаетъ?

Бланкъ

Рѣшительно ничего не знаю. Я его со вчерашняго дня не видѣлъ. Мнѣ самому его нужно видѣть до зарѣзу.

Арсеній Ильичъ

Мы съ женой думаемъ Андрея за-границу отправить. Что вы на это скажете, Іосифъ Іосифовичъ.

Бланкъ

Отлично сдѣлаете. Ужъ очень онъ запсихопатилъ.

Арсеній Ильичъ

У него есть способности. Ну, если его соціальный вопросъ такъ занимаетъ, пусть поѣдетъ на западъ поучиться. Здѣсь онъ допрыгается до чего-нибудь. И какъ это вы всѣ понять не хотите, что безъ науки двинуться никуда нельзя. Молодежи прежде всего учиться надо. Вѣдь если такое положеніе дѣлъ продлится еще нѣсколько лѣтъ— Россія станетъ прямо варварской страной. Теперь всякій гимназистъ, вмѣсто экзаменовъ, политикой занимается. Политика— дѣло людей взрослыхъ...

Бланкъ

Такъ чѣмъ молодежь-то виновата, что взрослые сложа руки сидятъ? Ну, да не въ этомъ дѣло. А на счетъ Андрея я съ вами согласенъ. Онъ легко можетъ зря погибнуть. Безъ всякой пользы для дѣла. Въ немъ сидитъ неискоренимый декадентъ-романтикъ. Революціонство стараго пошиба. Чисто русская черта. Никакой выдержки. Все хотятъ сразу, усиліемъ героевъ. Какой-то обратный аристократизмъ. Теперь дѣло не за героями, а за массами. Выдержка нужна, дисциплина, повседневная черная работа. Андрей все-таки въ концѣ концовъ барчукъ и романтикъ.

Соня

Сложно все это. Мнѣ трудно разобраться. А только Андрея я понимаю. Безъ порыва, безъ вѣры въ себя, ничего не сдѣлаешь. Себя потеряешь — начнутся будни, сѣрые будни. Андрей человѣкъ праздничный. Да и вся Россія изъ будней теперь вышла.

Арсеній Ильичъ

Нѣтъ, Бланкъ правъ. У Андрея революціонный угаръ, запой, когда человѣкъ

не владѣетъ собой, самъ не знаетъ чего хочетъ.

Соня

Ахъ, папа, папа. Пускай онъ хочетъ того, чего нѣтъ на свѣтѣ. Вѣдь въ этомъ-то и святость человѣка, вся его внутренняя правда.

Бланкъ

Красиво, Софья Арсеньевна, только силы въ этой красотѣ мало. Гораздо легче совершить геройскій поступокъ, чтобъ весь міръ ахнулъ, пожертвовать собой и погибнуть, чѣмъ исподволь, изо дня въ день, съ горечью во рту, добиваться далекой цѣли. Русскіе умирать умѣютъ, а жить... жить еще не умѣютъ. Вы можете дѣйствовать только въ опьяненіи. Андрей или на баррикады пойдетъ, или впадетъ въ тупое равнодушіе. Середины нѣтъ.

Соня

Да не вынесетъ русская душа никакой середины.

Бланкъ

Ну вотъ, ну вотъ. Я-жъ это и говорю. А вся исторія-то можетъ быть и есть середина. Равнодѣйствующая. (*Входитъ Андрей*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Тѣ же и Андрей

Соня

Андрей! Смотрите мама, вотъ онъ. Мы и звонка не слыхали.

Евдокимовна

Да это онъ по черному ходу. Батюшки святители! Кто имъ отворилъ-то?

Андрей

Никто не открывалъ. Тамъ отперто.

Евдокимовна

Фимка-то, Фимка-то гдѣ? Господи, батюшки, въ гробъ съ этой дѣвкой сойти! Ну ужъ я ее, ужъ я ее со дна морского выищу!

Нат. Петровна

Постой, няня, погоди. Дай лучше Андрею Арсеньевичу поѣсть чего-нибудь. Ты вѣдь закусишь, Андрей?

Андрей (*садясь за столъ*)

Да, я проголодался.

Анна Арсеньевна

Ну, слава Богу. Нашлось нещечко. Теперь я иду.

Андрей (*Бланку*)

Ты здѣсь. Мнѣ тебя надо.

Бланкъ

И мнѣ тебя. Зайди ко мнѣ завтра утромъ.

Андрей

Да ты что, уходишь? Посиди немножко.

Бланкъ

Нѣтъ, пойду. А мы тутъ тебя ругали. Романтикъ ты и больше ничего.

Андрей

Ну, знаемъ мы это. Старая пѣсня. Надоѣло.

Бланкъ

Опять въ психопатіи?

Андрей

Нисколько не въ психопатіи, а только отъ твоей „благоразумной разумности“ у меня душу воротитъ.

Бланкъ

Эхъ ты, юнецъ!

Анна Арсеньевна (*къ Бланку*)

Вы къ Невскому? Пойдемте вмѣстѣ. Ну, прощайте, до свиданія. Прощай, Евдокимовна.

Евдокимовна

Прощай, матушка. А съ дѣтками-то ты построже. (*Уходятъ, разговаривая*). Нынче пошла мода родителей ни во что не ставить...

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ

Тѣ же, безъ Бланка, Анны Арсеньевны и Евдокимовны

Соня (*кричитъ ей вслѣдъ*)

Анюта, я къ тебѣ завтра зайду. (*Андрею*).

А я, Андрей, тоже только что вернулась. Думала и тебя гдѣ-нибудь встрѣтить.

Андрей

Я на улицахъ не былъ.

Арсеній Ильичъ

Не былъ? А вотъ Соня говоритъ, что именно улицы сегодня представляютъ собою необычайное зрѣлище.

Андрей

Да? Не знаю.

Арсеній Ильичъ

Что-жъ, ты не признаешь манифеста? Я только что говорилъ, что я лично врагъ всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило, но за этотъ день я готовъ простить...

Андрей

Ахъ, папа, бросьте эту риторику.

Нат. Петровна

Все-то ты, Андрюша, сердишься. Укроти свое сердце.

Андрей

Да не сержусь я вовсе. Только мнѣ, право, сейчасъ не до папиныхъ сентиментальностей.

Нат. Петровна (*цѣлуетъ его*)

Мальчикъ мой ненаглядный. Милый ты мой сыникъ (*опять цѣлуетъ*). Мы на то и старики, чтобъ быть сантиментальными.

Арсеній Ильичъ

Не понимаю я тебя, Андрей...

Андрей

Да что я вамъ дался? Оставьте меня въ покоѣ.

Арсеній Ильичъ

Ну, этотъ тонъ ты брось. Съ отцомъ разговариваешь...

Андрей

При чемъ тутъ отецъ? Вѣдь не о семейныхъ дѣлахъ говоримъ.

Соня

Ну, Андрей, довольно.

Андрей

Слушаюсь, Софья Арсеньевна. Такъ вы значитъ наслаждались необыкновеннымъ зрѣлищемъ? Что-жъ? Можетъ быть жениха гдѣ-нибудь встрѣтили? На конѣ гарцовалъ? Впрочемъ, что я говорю, вѣдь они сегодня въ подворотню спрятались, герои портъ-артурскіе.

Соня

Андрей! Это гадко, что ты говоришь. Гадкая злоба.

Арсеній Ильичъ

Андрей, я тебѣ запрещаю говорить въ такомъ тонѣ.

Соня

Ничего, папа. Пусть, пусть...

Андрей

Оскорбленная добродѣтель? Да я, вѣдь, ничего...

Нат. Петровна

Ты, Андрюша, отлично знаешь Бориса. Знаешь, какой онъ человѣкъ. Къ чему издѣваться? Соню хоть пожалѣй.

Арсеній Ильичъ

Безтактность какая.

Соня

Да оставьте. Не нужно мнѣ его жалости. Я и безъ Андрея знаю все, что мнѣ нужно знать.

Андрей

Ужъ будто бы? Такъ все отлично знаешь? А полковой дамой будешь, меня на журфиксъ позови. Все-таки лестно.

Арсеній Ильичъ

Да замолчишь ты когда-нибудь?

Соня (*серьезно*)

Андрей, я не признаю за тобой права судить Бориса. У тебя этого права еще нѣтъ. Твою грубость я тебѣ прощаю, хотя ты мнѣ больно сдѣлалъ, очень... А права судить—кто въ чемъ виноватъ—у тебя все-таки нѣтъ.

Андрей

Ну да, ну да, никто невиноватъ. Нѣтъ виноватыхъ... Знаемъ мы это...

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Тѣ же и Евдокимовна

Евдокимовна (*торопливо вбѣгая*)

Слышите, гулъ-то какой? По нашей улицѣ такъ и катнуло ихъ. Силища народу! Пѣсни свои эти орутъ и прямо на Шпалерную, къ тюрьмѣ. Отъ оконъ-то подальше извольте, не ровенъ часъ.

Нат. Петровна

Кто? Гдѣ? Что ты, няня?

Соня

Нѣтъ, правда. Слышите? Это, должно быть, идутъ на Шпалерную. Это ничего, няня, не бойся...

Арсеній Ильичъ

Да, откуда они, съ Невскаго? (*Всѣ, кромѣ Андрея, встаютъ съ мѣста, Соня идетъ къ окнамъ*).

Евдокимовна

Матушка, Сонюшка, да къ окнамъ-то не подходите. Вѣдь запалятъ. Вѣдь бунтов-

щики это идутъ! (*Соня открываетъ окно. Въ комнату врывается растущій гулъ, какъ бы далекіе крики или пѣніе и топотъ. Стука колесъ не слышно. Послѣдующій разговоръ заглушенъ наросшимъ гуломъ. Когда онъ усиливается — за окнами мелькаютъ красные огни*).

Арсеній Ильичъ

Дѣйствительно... Это очень интересно... Надо только пальто накинуть... (*Выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Евдокимовна

Батюшки, баринъ, да вѣдь силища претъ. Да прикажите вы Софьѣ Арсеньевнѣ окно-то закрыть. Сами простудитесь и квартиру настудите.

Соня

Молчи ты, ради Бога. Мама, накиньте пледъ (*подаетъ*). Отлично все будетъ видно. Слышите? Вонъ уже мальчишки бѣгутъ. Андрей, что-жъ ты сидишь? Отвори другое окно... Оттуда мамѣ виднѣе. (*Андрей медленно встаетъ и отворяетъ второе окно, затѣмъ отходитъ. Гулъ усиливается. Входитъ Арсеній Ильичъ въ шубѣ и идетъ ко*

второму окну, гдѣ Наталья Петровна Андрей стоитъ немного позади).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Евдокимовна

Безобразіе какое! Окна еще раскрыли. Бунтъ страшенный, а тутъ глядѣть. Да вѣдь развѣ же допустятъ? Да вѣдь тутъ какъ налетятъ казаки, такъ вѣдь тутъ такое пойдетъ! Софья Арсеньевна!

Соня (*оборачивается*)

Ахъ, няня, иди лучше сюда. Иди сюда. (*Беретъ ее за плечи и почти насильно тянетъ къ окну*). Ну, гляди, никто на нихъ не налетаетъ, потому что вовсе они не бунтовщики. Всѣмъ свободу дали.

Евдокимовна

Это свободу-то... Эдакой толпой... по улицамъ... тюрьму ломать? Никогда этого не будетъ, пока свѣтъ стоитъ, чтобъ свободу давали. Угомонятъ.

Соня

Ворчи сколько хочешь, а вотъ дали. (*Гулъ усиливается*).

Евдокимовна

Господи! Флаги-то, флаги, словно мачты. Черные! Страсти Господни. Черные пречерные.

Соня

Да какіе тамъ черные, развѣ не видишь—красные. (*Гулъ слегка затихаетъ*).

Андрей (*задумавшись, какъ бы про себя*)

Въ голубые, священные дни
Распускаются красные маки...

Соня (*оборачивается*)

Что?

Андрей

Ничего. (*Помолчавъ, продолжаетъ*).

...Здѣсь и тамъ лепестки ихъ,—огни,—
Подаютъ намъ тревожные знаки...

Евдокимовна

Ой, и то красные! Ой страсти, красные! (*Гулъ затихаетъ*).

Соня

Ну, что, налетѣли солдаты? Мама! (*Оборачивается ко второму окну, но Арсеній*

Ильичъ и Наталья Петровна не слышатъ. Андрей, стоявшій поодаль, взглядываетъ на нее молча).

Соня

Андрюша, ты видѣлъ? Посмотри, кажется другая толпа идетъ? Нѣтъ?

Андрей (*отходитъ къ столу*)

Брось любоваться, это не спектакль...

Соня

Ахъ, Андрей... (*къ нянѣ*). Няня, что съ тобой? чего ты?

Евдокимовна (*заливаясь слезами, махая руками причитаетъ*)

Побѣдили они окаянные, звѣри супостаты! Кончилось житье православное. Отступилъ Господь, отступилъ — попустилъ, предалъ насъ на посмѣяніе! Не заживать бы мнѣ, старой, чужого вѣка, не доживать бы до проклятаго дня!

Нат. Петровна (*отходя отъ окна, которое закрываетъ Арсеній Ильичъ*)

Няня, няня, что ты? Какъ тебѣ не грѣхъ, сумасшедшая ты!

Евдокимовна (*не слушая*)

Пропали головушки наши!

Соня

Пойдемъ, няня, успокойся. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Тѣ же безъ Сони и Евдокимовны

Арсеній Ильичъ (*снимая шубу*)

Давно бы ее увести, эту дуру старую. Пойдетъ теперь причитать. Какая-то органическая, такъ сказать, черносотенка. Нѣтъ, а зрѣлище въ самомъ дѣлѣ грандіозное. Что можетъ быть отраднѣе этого молодого энтузіазма?

Андрей

Какія ужасныя вы вещи говорите, папа.

Арсеній Ильичъ

Отчего ужасныя?

Андрей

А то, что мнѣ было стыдно за васъ. Это вовсе не зрѣлище для развлеченія бур-

жуа. Вы не понимаете, что это гнусность— любоваться изъ окна красными флагами. Вѣдь красны-то они отъ крови. Манифестанты эти, не дойдя до Шпалерной, могутъ быть разстрѣляны, и тогда не только флаги, мостовая будетъ красная. (*Входитъ Соня*).

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Тѣ же и Соня

Нат. Петровна

Ну что старая?

Соня

Ничего, успокоилась немножко.

Арсеній Ильичъ

Андрей, нельзя быть въ постоянной истерикѣ. Что съ тобой дѣлается? Не безпокойся, не тронутъ ихъ.

Андрей

Ну, бросимъ, пожалуйста. Не до споровъ и разговоровъ. Вотъ что, я ухожу.

Нат. Петровна

Куда ты?

Андрей

Я переѣзжаю къ одному товарищу, а тамъ при первой возможности уѣду въ Москву.

Арсеній Ильичъ

Зачѣмъ?

Андрей

По дѣлу. Да я черезъ нѣсколько времени вернусь.

Соня

Андрей, зачѣмъ ты виляешь? Ты мнѣ вчера иначе говорилъ.

Нат. Петровна

Что онъ тебѣ говорилъ?

Соня

Говорилъ, что онъ отъ насъ хочетъ совсѣмъ уйти, что мы ему мѣшаемъ.

Андрей

Соня вѣчно преувеличиваетъ. Если бы я зналъ, что она подыметъ крикъ...

Соня

Нисколько не крикъ, а я нахожу, что если ты мнѣ говорилъ, то долженъ сказать и всѣмъ.

Арсеній Ильичъ

Андрей, что такое? Не понимаю...

Андрей

Да ничего. Я дѣйствительно сказалъ Сонѣ, что совмѣстная жизнь съ нѣкотораго времени для меня лично сдѣлалась неудобной, и я, можетъ быть, предпочту, для большей свободы взаимныхъ отношеній...

Нат. Петровна

Ты хочешь отдѣльно поселиться, Андрюша?

Арсеній Ильичъ

Нѣтъ, я все-таки ничего не понимаю. Потрудись сказать толкомъ. Это чрезвычайно интересно. Какіе же твои планы?

Андрей (*съ раздраженіемъ*)

Интересно или нѣтъ—но больше того, что я сказалъ, мнѣ говорить нечего. Это—мое личное дѣло.

Соня

И все-таки сердиться незачѣмъ.

Арсеній Ильичъ

Пускай, пускай. Вѣдь эти его дѣла... (*Вдругъ растерянно*). Нѣтъ, Андрей, да какъ же это? Мы ничего не подозрѣвали... Мы думали, напротивъ. То-есть не напротивъ, а... Ты скажи просто. Ну, потолкуемъ...

Соня

Конечно, конечно. Въ сущности просто. Хочетъ переѣзжать, ну и пусть. Свобода прежде всего.

Арсеній Ильичъ

Соня, не замазывай. Я требую, Андрей, слышешь, требую, чтобы ты сейчасъ сказалъ, для чего и куда ты переѣзжаешь.

Андрей

Я не могу.

Арсеній Ильичъ

А тогда я тебя не могу пустить. Это безуміе. И знай, я приму свои мѣры.

Андрей

Какія это мѣры, позвольте васъ спросить?

Арсеній Ильичъ

А это ужъ мое дѣло. Я предпочитаю, чтобъ тебя заперли сейчасъ, чѣмъ тогда, когда будетъ уже поздно... Ну, да это все не то... Ты приди въ себя. Выслушай, что я тебѣ скажу. Мы съ Наташей думаемъ, не лучше ли тебѣ за-границу поѣхать? Кончится забастовка—и поѣдешь. Что скажешь? А? Вѣдь совсѣмъ развинтился. Поѣзжай куда хочешь. Я тебѣ даю полную свободу. Только займись чѣмъ-нибудь. Твоя жизнь впереди. Вотъ, вѣришь въ революцію; такъ вѣдь послѣ революціи образованные люди еще нужнѣе будутъ.

Андрей

Я, за-границу? За-границу теперь? Папа, да что вы говорите! Теперь, когда каждый человѣкъ такъ дорогъ, я уѣду, какъ пай-мальчикъ науками заниматься? чтобъ родительское сердце успокоить? Хорошо вы меня знаете, нечего сказать. Да, я уѣду отъ васъ, конечно, уѣду, только не-заграницу.

Арсеній Ильичъ

Что? Что? Ты опять?

Андрей

Я ужъ сказалъ вамъ, и это кончено.

Арсеній Ильичъ

Что ты дѣлаешь, нѣтъ, что ты дѣлаешь! (*плаксиво*). Андрей, милый, не бросай насъ такъ. Вѣдь мы же тебя ни въ чемъ не стѣсняли. Ну развѣ мы тебя стѣсняли?

Андрей

Не стѣсняли? Молчите, пожалуйста. Да вы по рукамъ и ногамъ вяжете. Волю убиваете. Съ вами остаться — на нѣтъ сойти. Разговоры, разговоры, легкомысліе невѣроятное! Растерянность, распущенность, ядъ какой-то подлый. Онъ сознаніе темнитъ, душитъ волю. Кисляи, сантиментальные болтуны! Трупомъ отъ васъ пахнетъ. Я хочу на воздухъ, на улицу, хочу къ тѣмъ, кто властно идетъ на смѣну вамъ, безпомощнымъ. Я къ сильнымъ хочу—и буду съ ними, хотя бы жизнь пришлось отдать. До-

вольно мнѣ вашей тупой лжи! Не надо! не хочу! довольно!

Соня

Андрей, Андрей, какъ ты насъ оскорбляешь!

Андрей

Не я оскорбляю. Вся русская исторія, вся исторія міра васъ оскорбляетъ. Соня, а ты? Какъ ты можешь мириться? Какъ ты можешь жить въ этой духотѣ, въ этомъ семейномъ хлѣву? Я думалъ, ты другая вернешься оттуда, а ты еще покорнѣе стала. Любовь къ Борису тебя сгубила. Все ему прощаешь, тò, чего человѣку нельзя простить. О счастливомъ бракѣ мечтаешь! Соня, да развѣ ты не чувствуешь, что, кто сюда попадется — тому крышка. Кому, чему ты приносишь себя въ жертву? Брось ихъ, Соня. Ты вѣдь не любишь больше Бориса, не можешь ты любить этого своего героя Портъ-Артурскаго. И не высидѣть тебѣ все равно за семейнымъ чайнымъ столомъ, гдѣ добрые профессора отдыхаютъ съ покорными дѣтками послѣ лекцій въ автономномъ университетѣ, гдѣ только одно желаніе, какъ бы все по хорошему, да по-старинкѣ. Слышишь, Соня, слышишь?

Арсеній Ильичъ

Соня, не слушай! Хулиганство это. И кто тебя поставилъ судьей намъ? Какъ ты смѣешь судить отца?

Андрей

Этого-то вы и боитесь! Вѣдь вы даже не на мою правду негодуете, вы дрожите отъ возмущенія, что я, сынъ, говорю правду отцу! Развѣ я человѣкъ для васъ? Я рабъ, я сынъ. Но помните! Какъ человѣкъ говорю я вамъ человѣческую правду въ глаза. Какъ человѣкъ я презираю васъ съ вашими спокойными кафедрами, съ вашими хорошими словами, со всѣми вашими семейными добродѣтелями, со всѣмъ вашимъ благополучнымъ благородствомъ...

Арсеній Ильичъ

Молчать! Вонъ, вонъ изъ моего дома.

Андрей

Я и самъ ухожу. (*Идетъ къ двери*).

Нат. Петровна

Андрюша!

Андрей (*Возвращается, молча цѣлуетъ мать и уходитъ*)

Долгая пауза.

АРСЕНІЙ ИЛЬИЧЪ безпомощно опускается въ кресло.

СОНЯ ластится къ нему.

Арсеній Ильичъ

Наташа, вѣдь это ничего? Онъ вернется? Ну, конечно, вернется? Вѣдь долженъ же онъ вернуться? Наташа? Ну что же ты молчишь? Вернется?

Нат. Петровна

Нѣтъ, Арсеній. Онъ—не вернется.

ЗАНАВѢСЪ

Дѣйствіе второе

Конецъ декабря 1905 года

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АРСЕНІЙ ИЛЬИЧЪ

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА

СОНЯ

БЛАНКЪ

ЕВДОКИМОВНА

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ ЛЬВОВЪ

БОРИСЪ сынъ его. Поручикъ Гвардейскаго полка. Нервный, озабоченно-разсѣянный

ДОКТОРЪ ЧИЖОВЪ. Военный врачъ, подчиненный Львову. Выхоленный, самодовольный

КОТКОВЪ. Военный фельдшеръ

ДОРОФЕЕВЪ. деньщикъ. Въ генеральскомъ сюртукѣ, безъ погонъ и свѣтлыхъ пуговицъ

ДЕНЬЩИКИ, ВѢСТОВЫЕ

Дѣйствіе происходитъ въ казенной квартирѣ Львова, въ Петербургѣ

Въ казенной квартирѣ, мало жилая комната, не то одна изъ гостинныхъ, не то читальня. Утро. На столѣ лекарства, вообще складъ лечебныхъ вещей, которыя не хотятъ держать въ комнатѣ больного. Налѣво дверь въ комнату, гдѣ лежитъ Андрей. Передъ дверью ширма.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Соня, затѣмъ деньщикъ Дорофеевъ.

(Соня выходитъ изъ комнаты больного, въ бѣломъ фартукѣ. Голова повязана бѣлымъ платкомъ, какъ у сестры милосердія. Копошится у стола. Смотритъ спиртовую лампу. Звонитъ въ электрическій звонокъ. Приходитъ деньщикъ).

Соня

Принесите спирту. (*Соня приготовляетъ шприцъ. Деньщикъ возвращается со спиртомъ*).

Соня

Генералъ дома?

Деньщикъ

Такъ точно.

Соня

У него есть кто-нибудь?

Деньщикъ

Полковникъ Павловскій съ докладомъ

Соня

Давно?

Деньщикъ

Да ужъ съ полчаса.

Соня

Вотъ что, Дорофеевъ. Какъ только пріѣдетъ докторъ, доложите генералу.

Деньщикъ

Слушаюсь. (*уходитъ*)

(Соня идетъ къ больному. Нѣкоторое время сцена пуста. Входитъ Бланкъ)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

Бланкъ, потомъ Соня

(Бланкъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Останавливается у дверей больного, прислушивается. Наконецъ стучитъ въ дверь. Оттуда голосъ Сони „Сейчасъ“. Затѣмъ выходитъ Соня).

Бланкъ

Ну что, какъ?

Соня

Плохо. Страшный упадокъ силъ. А докторъ нейдетъ. Да ничего онъ сдѣлать не можетъ.

Бланкъ

Онъ въ памяти?

Соня

Всю ночь не спалъ. Сказалъ, что хочетъ видѣть папу и маму. Съ тѣхъ поръ какъ вчера утромъ привезли, только и безпокоился, какъ бы они не узнали. Все шутилъ, говорилъ, что нынѣшнія пули не ядовитыя. А ночью сразу перемѣна.

Бланкъ

А докторъ-то что говоритъ?

Соня

Да я ужъ знаю. Вижу, что плохо. Вѣдь сколько раненыхъ-то на моихъ рукахъ перебывало.

Бланкъ

Я всегда этого боялся, Софья Арсеньевна. Это легко было предвидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ отъ васъ уѣхалъ, ясно было, что онъ можетъ этимъ кончить. Тяжело, очень, но у васъ есть мужество. Я вѣрю, что вы и не то еще перенесете.

Соня

Мы съ вами много говорили объ Андреѣ, вмѣстѣ чуяли бѣду, но вѣдь отъ этого не легче.

Бланкъ

Я любилъ Андрея... Сила то какая безрезультатно гибнетъ... Эхъ, просто сдерживаться трудно иногда, негодованіе такъ и подступаетъ... Ну... да надо владѣть собою...

Соня

Вы говорите... безрезультатно; какое жестокое слово. А мы то? Если ужъ Андрей погибъ даромъ...

Бланкъ (*живо*)

Я этого не говорилъ. Онъ погибъ даромъ въ томъ смыслѣ, что не успѣлъ сдѣлать всего, что могъ бы...

Соня

Все равно. Но если Андрей не то сдѣлалъ, то мы-то, ничего не дѣлающіе глядящіе на это, мы то что? Я то что? Да какъ мы смѣемъ? Боже мой, Боже мой! Бланкъ, мнѣ кажется иногда, что я съ ума схожу. И теперь, здѣсь, этотъ умирающій... Онъ мнѣ говорилъ въ послѣдній разъ... я помню... помню... Звалъ меня. Ну, я не пошла. У себя осталась. А Борисъ не остался. Тоже поѣхалъ... Туда же, куда Андрей... Только Борисъ, только Борисъ... вы понимаете?

Бланкъ

Я то понимаю, а вотъ вы еще недавно этого не понимали. А ужъ разъ поняли,

такъ здѣсь не останетесь. Можетъ быть и не совсѣмъ туда уйдете, куда васъ Андрей звалъ. Туда, можетъ быть, и не надо. Тамъ много истерики, много романтизма. А вотъ на трезвую повседневную борьбу,—это другое дѣло. Здѣсь-то, во всякомъ случаѣ, не останетесь, Андрей вамъ не простилъ бы этого.

Соня

Да, да, не простилъ бы. Милый, свѣтлый... Трудно мнѣ, Бланкъ, не оставляйте меня.

Бланкъ

Возьмите себя въ руки. Не надо нервъ теперь. А что Андрей вотъ здѣсь-то оказался... Это дѣйствительно фальшь какая-то.

Соня

Ложь это, ложь страшная! Ну, я не буду, вы правы. Надо быть спокойнѣе. Надо съ твердостью. (*помолчавъ*) Пойдемте къ нему.

(*Уходятъ къ больному*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ

Генералъ и докторъ

Докторъ

Это бываетъ. Вѣдь когда стрѣляютъ, объ асептикѣ не думаютъ. Хотя нынѣшнія пули, благодаря никкелевой оболочкѣ, даютъ рану довольно чистую, не рваную, а все-таки ни за что ручаться нельзя. Да у него верхушка легкаго задѣта.

Генералъ

Мое-то положеньице, Чижикъ дорогой, каково. Вѣдь онъ слово съ Бориса взялъ, чтобъ ничего матери не говорить. Вотъ ужъ сутки онъ у насъ, а ни сестра, ни Арсеній Ильичъ ничего не знаютъ. Соня имъ что-то наврала, сказала, что у подруги въ Царскомъ.

Докторъ

Такъ-съ. А скажите, ваше превосходительство, ему первую повязку скоро наложили?

Генералъ

Гдѣ ужъ! Сынъ самъ видѣлъ, какъ онъ упалъ. Да пока извозчика добылъ, пока что, пока докторъ пріѣхалъ, часовъ шесть добрыхъ и прошло.

Докторъ

Такъ-съ. Еще счастливая случайность что Борисъ Петровичъ сразу узналъ кузена. Такъ-съ. Ну поглядимъ. Вчера онъ былъ хорошъ и температура не высокая. Не слѣдовало его привозить только. Лучше бы въ Москвѣ оставили. Переѣздъ ему пользы не принесъ.

Генералъ

Ну что-жъ теперь говорить. Умолилъ Бориса. На Прѣснѣ это было. Тоже и Бориса-то положеніе неудобное. Къ себѣ повезъ, а вечеромъ сюда. Да вѣдь съ какими трудами. Съ служебнымъ поѣздомъ. Поѣзда вѣдь не ходятъ. Спасибо полковому командиру. Ради сестры все устроилъ.

Докторъ (*дискретно смѣется*)

Да, все-жъ какъ ни какъ офицеръ бунтовщика везъ. Ну, да дѣло тутъ кровное...

Только вотъ, ваше превосходительство, не знаю, какъ еще обернется. Первая повязка иной разъ весь романъ рѣшаетъ. Нельзя ли намъ Софью Арсеньевну вызвать?

Генералъ

Что? Вы думаете плохо? Мы сейчасъ ее. (*Идетъ къ двери, но Соня сама выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тѣ же и Соня

Докторъ

Ну какъ дѣла? Я сейчасъ, вотъ только обогрѣюсь, а то съ холоду.

Соня (*генералу*)

Дядя, онъ хочетъ, чтобъ дали знать... чтобъ папа съ мамой пріѣхали.

Докторъ

Вы инъекцію сдѣлали? Пульсъ какой?

Соня

Плохой. Зайдите къ нему.

Генералъ

Хочетъ? А какъ ему?

Соня (*доктору*)

Пойдемте.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ

Генералъ, потомъ Борисъ

Борисъ

Андрею хуже?

Генералъ

Да вотъ, Чижикъ пошелъ... Говоритъ, не слѣдовало привозить изъ Москвы. А, главное, сегодня самъ отца съ матерью пожелалъ...

Борисъ

Пожелалъ? Какъ же это? Значитъ предупредить надо? Что это, Господи! Да неужели умираетъ?

Генералъ

Постой, погоди. Сейчасъ вотъ Чижикъ... и Соничка выйдетъ.

Борисъ

А Соня что? И кто тамъ? Бланкъ этотъ тамъ?

Генералъ

Не знаю я, должно быть тамъ.

Борисъ

Вы думаете, папа, умретъ?

Генералъ

Да отвяжись ты. Ничего я не думаю.

Борисъ

Я везъ его, папа, я тоже ничего не думалъ. То-есть не то, что умретъ или не умретъ, а что это такъ все ужасно выйдетъ. Я даже объяснить не могу, но вы сами, папа, должны чувствовать...

Генералъ

Да про что ты?

Борисъ

А про то, что кажется, я достаточно видѣлъ Соню сестрой милосердія, и вмѣстѣ

мы тогда были, а теперь она точно плѣнная въ непріятельскомъ лагерѣ, за своими плѣнными ухаживаетъ...

Генералъ

Да какая же она плѣнная?

Борисъ

Ну, нелѣпость какая-то выходитъ, я и говорю—нелѣпость. А теперь еще умретъ Андрей... Развѣ мы тутъ виноваты? Что же мнѣ его не подбирать было? не привозить? Да ужъ если такъ, если кого-нибудь обвинять...

Генералъ

Никто никого, дружокъ мой, не обвиняетъ. Всѣ виноваты. Ты успокойся. Сонѣ тяжело. А чья гдѣ вина—не намъ разбирать...

Борисъ

Не намъ? А кому же? Ну, въ Мукденѣ война, ужасы... Ну, тамъ не до разборокъ, а просто мы всѣ тупымъ безуміемъ обезумѣли. Сумасшедшіе много могутъ вынести; больше здоровыхъ. И отлично. А теперь вѣдь не Мукденъ... Не обезумѣть же.

Генералъ

Я подъ Мукденомъ не былъ, а что тутъ у насъ почище Мукдена завелось—это иной разъ и придетъ въ голову. Пустяковъ я этихъ о безуміи знать не хочу, поменьше разсуждать бы слѣдовало. Все равно ни до чего не доразсуждаешься.

Борисъ

Нѣтъ, я не могу. Пусть она лучше прямо скажетъ, что думаетъ...

Генералъ

Да ничего она не думаетъ. Не до того. Тутъ брата спасать надо. Да и кто тутъ что понимаетъ? На то ужъ пошло, что никто не знаетъ куда ему кинуться. Вотъ все Японія, Японія; а тутъ, братъ, безъ всякой Японіи, одна Россія, не Россія, а вулканъ какой-то. Ну и пляши, правой-ли, лѣвой-ли ногой, послѣ разберутъ.

Борисъ

Нѣтъ, Соня должна-бы понять, какъ мнѣ тяжело.

Генералъ

Да говорятъ тебѣ, не до того ей. Тутъ я раздумываю какъ нашихъ предупредить, а ты все Соня да Соня. Объяснялись бы раньше. Вѣдь не моя она невѣста. Твоя. (*Входитъ Докторъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

Тѣ же и Докторъ

Генералъ

Что, есть надежда?

Докторъ

Да какъ сказать, головы терять нечего. У меня былъ такой случай въ полку. Помните, ваше превосходительство, дуэль графа Зарайскаго? Я на телефонъ. Надо фельдшера вызвать. Кислороду добудемъ, мускусу. Главное поддержка силъ. (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ

Тѣ же безъ Доктора

Генералъ

Боря, а я поѣду. Что же Соня? Надо

бы посовѣтоваться, обрисовать положеніе. (*Входитъ Соня*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ

Генералъ, Борисъ, Соня

Соня

Какъ, докторъ ужъ ушелъ?

Борисъ

Нѣтъ, онъ у телефона.

Генералъ

Такъ чтожъ, Соня, мнѣ ѣхать?

Соня

Да, дядичка, конечно, и скорѣй, сейчасъ же.

Генералъ

Голубчики, надо обсудить. Репетичку сдѣлать, какъ говорить. Я ужъ не знаю, Боря, не ѣхать ли тебѣ со мной? Какъ объяснить, что Соня у насъ ночевала, а мы ничего не говорили?

Соня

Нѣтъ, Борѣ лучше не ѣхать. Мамѣ вы прямо скажите все, какъ есть,—она пойметъ. А вотъ за папу я боюсь, вы съ нимъ поосторожнѣй. (*Входитъ Докторъ*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ

Тѣ же и Докторъ

Докторъ

Сейчасъ все будетъ. Софья Арсеньевна вы ужъ мнѣ тоже помогите. Надо дѣйствовать энергично.

Соня

Ахъ, докторъ. Къ чему теперь ваша энергія? Вѣдь ясно же, что конецъ. У меня въ Мукденѣ на рукахъ умеръ одинъ солдатикъ. Совсѣмъ такъ. Теперь не въ вашихъ мускусахъ дѣло, а въ томъ, чтобы онъ умеръ, какъ слѣдуетъ.

Докторъ

Что вы, погодите еще хоронить. (*Уходитъ къ больному*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ

Тѣ же безъ Доктора

Соня

Ну, дядя, поѣзжайте. (*Входитъ деньщикъ*)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Тѣ же и деньщикъ

Деньщикъ

Ваше превосходительство. Васъ къ телефону требуютъ.

Генералъ

Кто, что, откуда?

Деньщикъ

Изъ штаба округа. Такъ что писарь штабной говоритъ, что, кажись, на Путиловскомъ неладно.

Генералъ

Ахъ, Господи, Господи! Вѣдь мнѣ же ѣхать надо. Вотъ что, Дорофеевъ. Вызови

сейчасъ же ко мнѣ генералъ-маіора Андреева. А со штабомъ я потомъ самъ поговорю. Живо! Чего стоишь, дубина! Ну до свиданія, милые. Соня, поцѣлуй меня. Христосъ съ тобой, ненаглядная. Чижика не отпускайте. Боря, ты за Соней присмотри. Ну, Господи благослови, Господи благослови, Господи благослови. (*Три раза крестится, уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ

Соня и Борисъ

Борисъ

Значитъ онъ умретъ?

Соня

Да.

Борисъ

Ну зачѣмъ это, къ чему это? Знаешь, Соня, подъ Мукденомъ лучше было. Мы были тамъ не виноваты. Да и японцы, хоть люди человѣки, а все таки враги. Понимаешь, Соня, понимаешь, я не могу такъ. Помнишь, когда мы вернулись, мы на что-то надѣялись, думали, что всѣ эти ужасы

въ прокъ пойдутъ. Начали о своемъ счастьи думать. Думали,—право имѣемъ, заслужили. И вотъ—все спуталось... Соня, Соня, это кошмаръ какой-то!

Соня (*съ усиліемъ*)

Борисъ, оставь меня. Оставь разговоры. Андрей умираетъ. Я не могу, не желаю думать о насъ съ тобой. Прошу тебя, безъ надрывовъ. Я хочу тишины. Имѣю я право хоть тишины отъ тебя требовать! (*Входитъ фельдшеръ съ подушкой кислорода и пакетами*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Тѣ же и Фельдшеръ

Фельдшеръ

Меня господинъ докторъ Чижовъ вызвали.

Соня

Да, да, Котковъ. Мы васъ ждемъ.

Фельдшеръ

Такъ что Андрею Арсеньевичу хуже?

Соня

Да, плохо, очень плохо. (*Соня съ фельдшеромъ идутъ къ больному. Борисъ остается нѣкоторое время одинъ. Отъ больного входитъ Бланкъ*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Бланкъ и Борисъ

Борисъ

А, это вы. Можно къ Андрею?

Бланкъ

Погодите лучше. Вотъ Софья Арсеньевна выйдетъ. Ее спросите.

Борисъ

Онъ говорилъ о чемъ-нибудь съ вами?

Бланкъ

Мало, все больше молчалъ.

Борисъ

Нѣтъ, а обо мнѣ говорилъ?

Бланкъ

Не говорилъ. (*Молчаніе*)

Борисъ

Я все-таки пойду къ нему.

Бланкъ

Какъ хотите. Только тамъ и безъ того теперь народу много. Кромѣ того...

Борисъ

Что?

Бланкъ

Ахъ, да поймите сами. Вѣдь тяжело же ему видѣть военный мундиръ...

Борисъ

Мундиръ? Это еще что? Кажется, я...

Бланкъ

Да вы не волнуйтесь. Положеніе фальшивое, глазъ закрывать нечего. Но будемъ же сохранять уваженіе къ тому, что происходитъ. Софья Арсеньевна...

Борисъ

Что Софья Арсеньевна? Это кто, вы или она находитъ, что я не сохраняю какого-то уваженія, что я не долженъ видѣть брата умирающаго, что, наконецъ, я...

Бланкъ

Да это здравый смыслъ вамъ долженъ самому подсказать. А вы, я вижу, въ своемъ родѣ тоже романтикъ. Не поздравляю васъ. Впрочемъ, я параллелей не провожу. Чѣмъ бы вы тамъ ни были, это ваше дѣло. Мнѣ-то что.

Борисъ (*подходя къ нему*)

Послушайте. Я хотѣлъ... Вы, кажется, не злой и не глупый человѣкъ...

Бланкъ

Благодарю васъ.

Борисъ

Я вашихъ намѣреній не знаю... Я васъ совсѣмъ почти не знаю. Но я васъ прошу объяснить мнѣ...

Бланкъ

Ничего я объяснять не стану, при чемъ какія то мои „намѣренія“—не понимаю, и вообще я ужъ сказалъ вамъ, что это не мое дѣло. Казалось бы, такъ все просто, а вы требуете, чтобы я вдавался съ вами въ какія-то психологіи. Говорите съ Софьей Арсеньевной, если вамъ что-нибудь еще непонятно. Думаю, однако, и ей не до разговоровъ.

Борисъ

Вы въ моемъ домѣ. И я васъ покорнѣйше прошу... О Софьѣ Арсеньевнѣ...

Бланкъ

Ну, бросьте эти тонности. Не ко времени. Я человѣкъ трезвый и простой. А что я въ вашемъ домѣ—очень жаль. Да ничего не подѣлаешь. Жизнь и не такія шутки шутитъ. Впрочемъ, я лично ничего противъ васъ не имѣю. Оставьте только меня въ покоѣ.

Борисъ

Лично ничего? Скажите пожалуйста. Я не знаю, что вы тамъ имѣете, чего не имѣете, я обратился къ вамъ по человѣчески, а

вы... кажется... пользуетесь случаемъ, что я васъ не могу поставить на свое мѣсто, что я не могу...

Бланкъ (*отходя*)

Экъ, вѣдь тоже, „по человѣчески"! Не могу, не могу... (*Громче*) Да образумьтесь, вы. Это ужъ не романтизмъ, а неврастенія какая-то. Софья Арсеньевна идетъ...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Тѣ же, Соня и Докторъ

Соня

Да, да, докторъ. Вы идите по вашимъ дѣламъ, а въ случаѣ чего я васъ вызову.

Докторъ

Да я черезъ часъ назадъ. Не забудьте номеръ телефона: 72-53. Фельдшеръ пусть меня подождетъ. До свиданія. (*Докторъ уходитъ. Борисъ его тупо провожаетъ до двери. Соня отводитъ Бланка на авансцену*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Тѣ же безъ Доктора

Соня (*Бланку*)

Бланкъ, милый, поѣзжайте-ка и сожгите все. Онъ безпокоится. Да не думайте на конкѣ ѣхать. Возьмите извозчика и возвращайтесь скорѣе. Онъ еще все про какого-то товарища Александрова спрашивалъ.

Бланкъ

Знаю, знаю. Я и его извѣщу. (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Соня и Борисъ

Борисъ

Соня, послушай. Мнѣ надо тебѣ сказать... Ты другая, ты ко мнѣ перемѣнилась. Ты меня больше не любишь...

Соня

Борисъ, Андрей умираетъ.

Борисъ

А я, не умираю? Развѣ ты не видишь, что все для меня рушится? Я думалъ ты меня поддержишь. Ты одна могла бы помочь мнѣ, а ты...

Соня

Что я?

Борисъ

Если бы ты любила меня, ты поняла бы что я не виноватъ, что иногда человѣку нѣтъ выхода, нѣтъ!

Соня

Въ чемъ ты оправдываешься?

Борисъ

Я не оправдываюсь вовсе. Въ чемъ мнѣ оправдываться? Его въ тюремную больницу хотѣли везти. Я его чуть не съ силой отбилъ, а тутъ Бланкъ увѣряетъ...

Соня

Въ чемъ онъ тебя увѣряетъ?

Борисъ

Да вотъ, что Андрей меня видѣть не хочетъ, что ему мой мундиръ противенъ. А я знаю, что передъ Андреемъ я не виноватъ. Можетъ быть Бланкъ въ тысячу разъ больше передъ нимъ виноватъ. Но ты ничего не видишь. Ему-то ты все прощаешь.

Соня

Борисъ. Ты въ психопатіи. Объ этомъ потомъ, потомъ. Не думай же все время о себѣ.

Борисъ

Ахъ, Соня, Соня. (*Пауза*) Такъ я... Пойду къ Андрею?

Соня

Къ Андрею? Нѣтъ.

Борисъ

Значитъ, онъ правъ? Этотъ Бланкъ правъ? Значитъ, ты думаешь, какъ онъ? Да вѣдь это безуміе, да вѣдь всѣ съ ума сошли; или я, что ли, съ ума сошелъ? Братъ умираетъ, а я войти къ нему не

могу? Я о его жизни, какъ о своей заботился, я...

Соня

Благодарю тебя за твои заботы. Вмѣсто улицы онъ умираетъ спокойно, при насъ, хоть и въ чужомъ домѣ. Благодарю тебя.

Борисъ

Въ чужомъ... Соня!

Соня

Да. И это мой братъ умираетъ, мой, а не твой. Я для тебя, ради тебя говорю „не твой". А если твой, если ты на своего брата могъ...

Борисъ

Ты пустишь меня къ нему! Я долженъ итти къ нему! Ты не смѣешь. Это безчеловѣчно, это жестоко то, что ты говоришь...

Соня (*Становясь передъ дверью*)

Нѣтъ. Ты къ нему теперь не войдешь. (*Борисъ стоитъ нѣкоторое время молча, затѣмъ уходитъ въ дверь направо. Соня садится въ кресло и сидитъ застывши. Пауза. Входитъ изъ средней двери Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна и Генералъ. Соня цѣлуетъ мать, затѣмъ отца*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна. Генералъ и Соня

Нат. Петровна

Гдѣ онъ? (*Соня молча идетъ съ ней къ больному. Оттуда бочкомъ выходитъ фельдшеръ и затѣмъ уходитъ совсѣмъ*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Арсеній Ильичъ и Генералъ

Генералъ

Погоди, Арсеній, не сразу. Онъ слишкомъ слабъ.

Арсеній Ильичъ

Да, да. Вотъ до чего, Пьерушка, дожили.

Генералъ

Ну ничего. Дастъ Богъ еще оправится.

Арсеній Ильичъ

Ну, а что же докторъ? Да отчего же

не вызвать профессора Вельяминова? А? Надо дѣйствовать.

Генералъ

Нѣтъ, я Чижику вѣрю. Онъ виды видалъ, да и все-таки свой человѣкъ. Главное горе—первая повязка. Не скоро наложили. Да и перевозить, говоритъ, не слѣдовало. Ну, а что же было Борису дѣлать, не оставлять же его въ Москвѣ?

Арсеній Ильичъ

А гдѣ-жъ онъ, Боря-то?

Генералъ

Да не знаю, тутъ все былъ, мы его позовемъ.

Арсеній Ильичъ

Повидать бы его, разспросить хорошенько, поблагодарить... Соня то, значитъ, тутъ была, а мы думали въ Царскомъ.

Генералъ

Соня молодецъ. Я на нее не нарадуюсь.

Арсеній Ильичъ

Да, да, она у насъ молодецъ (*Помолчавъ*) Пьерушка!

Генералъ

Что?

Арсеній Ильичъ

Да вотъ, что-жъ это, а? Неужели онъ... погибнетъ? Вѣдь не можетъ же быть, а? (*Плачетъ, скрывая сморканьемъ*)

Генералъ

Ну, что ты. Ну! Ничего. Ну, Богъ милостивъ.

Арсеній Ильичъ

Вѣдь какъ изстрадались то мы за него. Вѣдь знаешь, какъ ушелъ онъ тогда— такъ и пропалъ, такъ мы ничего и не знали. Тутъ московское возстаніе это безумное, ну понимаешь, все время невольныя ассоціаціи мысли... Часа не было, когда бы Андрея я вотъ тутъ (*хлопая себя по груди*) не чувствовалъ. Что я пережилъ, сколько перестрадалъ. Ты понимаешь, Пьерушка, а? Вѣдь я отецъ. И вотъ-таки обрушилось несчастье...

Генералъ

Ну, что ты ужъ такъ... А времена— дѣйствительно... И надо же, чтобъ Борисъ натолкнулся. И знаешь? Борисъ, какъ его привезъ—точно самъ не свой мнѣ даже это не нравится. Извиненія какія то, оправданія, что такое? Ужъ изъ вагона вышелъ, тогда, какъ Андрея привезъ, просто лица не было. Надо больного на носилки укладывать, а онъ сразу о Сонѣ, что она, да какъ она. Любитъ ужъ онъ ее очень. Ну-съ, пріѣхали домой, а насъ ужъ тутъ Чижикъ ждетъ, фельдшеръ и все такое. Андрей спокойный былъ. Свѣтлый. Все просилъ вамъ не говорить. Какъ выздоровѣю, говоритъ, самъ къ нимъ здоровый пойду.

Арсеній Ильичъ

Говорилъ это? Такъ и говорилъ „самъ пойду", а?

Генералъ

Все время твердилъ. Ну, Соню выписали. Ужъ это я настоялъ. Да, Арсеній, старая я собака, а и то растерялся. Пиковое положеніе. (*Входитъ деньщикъ*)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ

Деньщикъ

Ваше превосходительство. Генералъ Каменскій васъ къ себѣ проситъ.

Генералъ

Сейчасъ. Вотъ что. Позови Бориса Петровича.

Деньщикъ

Слушаюсь. (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Генералъ и Арсеній Ильичъ

Генералъ

Измотался я совсѣмъ съ этой охраной... Надо рапортъ подать, чтобъ освободили.

Арсеній Ильичъ

Ну, и что-жъ потомъ? Когда-жъ Андрей насъ къ себѣ потребовалъ?

Генералъ

Сегодня ночью. Да я же тебѣ разсказывалъ.

Арсеній Ильичъ

Да, да, разсказывалъ. (*Входитъ Борисъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Генералъ, Арсеній Ильичъ, Борисъ

Борисъ

Здравствуйте, дядя. (*цѣлуются*)

Арсеній Ильичъ

Спасибо тебѣ, дорогой, спасибо родной. (*плачетъ*)

Генералъ

Ну, Арсеній, подбодрись. Такъ нельзя. Какъ же ты съ такимъ лицомъ къ Андрею?

Арсеній Ильичъ

Я ничего. Я сейчасъ. Да, да. Къ Андрею. (*Идетъ къ больному, вытирая глаза*)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Генералъ и Борисъ

Борисъ

Какъ тетя?

Генералъ

Ничего, молодцомъ. А меня совсѣмъ затеребили. Сейчасъ генералъ Каменскій за мной послалъ. Я хочу рапортъ подать. Не до того.

Борисъ

Конечно, конечно. (*Входятъ Евдокимовна и Анна Арсеньевна*).

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Генералъ, Борисъ, Анна Арсеньевна, Евдокимовна

Генералъ

Ну, вотъ и старая съ Анютой. Живо слетала. Посидите пока, милыя, вы съ холоду. Я сейчасъ вернусь. На одну минуту только. (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Тѣ же безъ Генерала

Евдокимовна (*запыхавшись*)

Я Анютиньку на крыльцѣ только-только застала. Да гдѣ-жъ онъ? Гдѣ голубчикъ-

то нашъ бѣлый? Куда его положили-то? (*Идетъ, суетясь, къ дверямъ налѣво*)

Борисъ (*удерживая ее*)

Нѣтъ, няня, что вы, погодите. Вѣдь вы съ холоду, присядьте.

Анна Арсеньевна

Да Боря, ты мнѣ объясни, откуда? что такое? Я рѣшительно ничего не знала, вдругъ, вижу няня. Ѣдемъ сюда, разспрашиваю, говоритъ Андрея при смерти нашли на улицѣ... Это невѣроятно, и вообще...

Евдокимовна

Охъ, Борюшка, ужъ я теперь пойду. Я его не простужу. Вонъ и руки теплыя. Измучился онъ, небось, голубчикъ!

Борисъ

Сейчасъ, няня, сейчасъ.

Анна Арсеньевна

Да отчего онъ у васъ, Боря? А мама гдѣ? А папа? И вообще... Да что ты мол-

чишь, Господи, какой ты невыносимый! (*Входитъ Арсеній Ильичъ*)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Тѣ же и Арсеній Ильичъ

Анна Арсеньевна

Ахъ, вотъ папа. Папочка, вообразите, я рѣшительно ничего не знаю—и вдругъ. Вы отъ него, папочка? Онъ, значитъ въ угловой лежитъ? Ахъ, Боже мой, да вамъ дурно, папа... Боря, да принеси ты воды. Развѣ не видишь? (*Борисъ наливаетъ воду*)

Борисъ

Выпейте, дядя.

Анна Арсеньевна

Ну, что, папочка, какъ? Что вы нашли? Узналъ васъ?

Арсеній Ильичъ

Не могу я... Не могу тамъ... Боря, ты видѣлъ его? Давно онъ такой?

Борисъ

Я его... сегодня не видалъ.

Арсеній Ильичъ

Нѣтъ, ужъ теперь что же... Какая же надежда, а? Анюта, ты подожди, подожди...

Евдокимовна

Довели, а теперь подожди. Долго ли у дверей-то стоять? Барыня-то съ Сонюшкой тамъ, небось. (*твердо идетъ къ двери и входитъ къ больному*)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Тѣ же безъ Евдокимовны

Анна Арсеньевна

Папочка, вы успокойтесь. Вѣдь такъ нельзя. Поберегите себя. Это ужасно, ужасно, я понимаю, отовсюду такія несчастія, и вообще... Я сама теряю голову. Главное, ничего рѣшительно не знаю, и сразу: умираетъ. Да кто это сказалъ? Былъ консиліумъ? Боря, неужели ты не можешь мнѣ хоть въ двухъ словахъ толкомъ объяснить.

Борисъ

Не приставай, Анюта, съ пустяками. Повѣрь, все сдѣлано, что нужно. (*Входитъ Генералъ*)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Арсеній Ильичъ, Анна Арсеньевна, Борисъ, Генералъ

Анна Арсеньевна (*генералу*)

Дядя Петя, дядя Петя! Вотъ вы ушли, а папѣ здѣсь дурно было. Дядя Петя, скажите, неужели такъ опасно? Вѣдь онъ раненъ, дядя? можетъ быть Вельяминова привезти? Вѣдь я его отлично знаю, онъ сейчасъ же, если я сама за нимъ поѣду, и вообще...

Генералъ

А ты успокойся, суета. Мы уже послали за кѣмъ нужно. Ты сядь, да потише, а то тамъ, пожалуй, слышно. Евдокимовна гдѣ же?

Борисъ

Туда ушла.

Арсеній Ильичъ

А я не могу, не могу. У него ужъ голосу почти нѣтъ...

Борисъ

Дядя, милый, еслибъ вы знали... Дядя, вы вѣрите, я все сдѣлалъ, что только въ силахъ было человѣческихъ...

Генералъ

Да брось ты. Развѣ кто сомнѣвается?

Борисъ (*не слушая продолжаетъ тихо*)

У меня въ сердцѣ что то оборвалось, какъ я его увидѣлъ, узналъ... Такъ и представилось, что если бы увидали тетя Наташа, Соня... Я ужъ тутъ ни о чемъ не думалъ, только о немъ, да о васъ о всѣхъ. Мнѣ вѣдь показалось, что онъ умеръ, ну, а потомъ, когда онъ очнулся — такая радость! А теперь вотъ опять. Да не смотрите вы такъ, дядя, милый, я вѣдь душу за васъ всѣхъ...

Арсеній Ильичъ (*слабо*)

Боря, милый ты мой, я вѣдь, знаю, знаю, ужъ видно судьба.

Генералъ (*лепечетъ*)

Ну, что тамъ, авось еще какъ-нибудь... Мало ли терпѣли, еще потерпимъ... Тер-

пѣніе, братъ, это такая штука... Что-жъ такого, ну и потерпимъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Тѣ же и Соня

Соня (*выходя изъ комнаты больного*)

Идите всѣ. Онъ кончается. (*Всѣ идутъ, Борисъ послѣдній*)

(Громадная, тягостная пауза. Сцена пуста. Темнѣетъ. Въ среднюю дверь входитъ тихонько фельдшеръ Котковъ. Оглядывается, прислушивается, садится у стѣнки. Затѣмъ приходитъ деньщикъ Дорофеевъ. Потомъ въ дверь постепенно начинаютъ заглядывать деньщики, вѣстовые. Входитъ отъ больного Евдокимовна. Всѣ встаютъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРИДЦАТОЕ

Евдокимовна, Котковъ, Дорофеевъ, Деньщики, Вѣстовые

Евдокимовна (*причитая*)

Отдалъ Богу душу, прости ему, Господи, прегрѣшенія. Упокой Господи. (*Обращаясь къ деньщикамъ*) Кто тутъ изъ васъ, братцы, потолковѣе? Грѣхи наши тяжкіе! Надо

вѣдь покойника прибрать. Дорофеичъ, голубчикъ, ужъ ты мнѣ помоги. Ужъ кромѣ меня никого тутъ нѣтъ. А заботъ-то, Боже мой сколько. За духовенствомъ послать надо. Тихо скончался, вздохнулъ, Богу душу и отдалъ. Дорофеичъ, нѣтъ-ли у тебя пятаковъ мѣдныхъ, надо ему глазки закрыть. Да полотеничко принеси, подвязать его, пока не остылъ. Господи, Господи, прости ему прегрѣшенія, вѣдь безъ причастія скончался то И чего барыня смотрѣла. (*Евдокимовна съ плачемъ возвращается въ комнату, гдѣ лежитъ Андрей. Котковъ, Дорофеевъ и остальные уходятъ на цыпочкахъ въ среднюю дверь. Пауза. Постепенно изъ комнаты Андрея молча выходятъ всѣ, кромѣ Евдокимовны, и молча садятся у стола. Долгая пауза*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Соня, Анна Арсеньевна, Генералъ, Борисъ

Нат. Петровна (*спокойно и сосредоточенно*)

Пьерушка. А мы Андрея увозимъ. Распорядись.

Генералъ

Матушка, какъ же, это невозможно.

Нат. Петровна (*крайне настойчиво*)

Нѣтъ, возможно. При твоемъ положеніи, да и докторъ поможетъ. Протелефонируй градоначальнику, что ли. Я не знаю тамъ какъ. Я хочу, чтобы онъ въ домъ вернулся. Онъ вернулся бы, если бы выздоровѣлъ.

Соня

Да, да, ты права, мама. Его нельзя здѣсь оставлять. Надо скорѣе его отсюда увезти, скорѣй, какъ можно скорѣй. Мама, вотъ что, я домой поѣду, надо все приготовить.

Нат. Петровна

Поѣзжай, дѣтка моя. Измаялась ты. Боря, ты бы ее проводилъ.

Соня

Боря? Боря?.. Нѣтъ, мама, нѣтъ. Мнѣ тяжело, у меня темно на душѣ. Мнѣ тебя страшно, Борисъ. Останься. Я одна, я одна. Только не съ тобой. (*Пока говоритъ*

Соня, входитъ Евдокимовна, желая обратиться къ Натальѣ Петровнѣ за какимъ-то указаніемъ. Стоитъ молча).

ЯВЛЕНІЕ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ

Тѣ же и Евдокимовна

Борисъ

Соня, Соня, что ты, Соня...

Соня

Мама, голубушка, вы поймете, можетъ быть. А если и нѣтъ... все равно... Я не могу простить. Ненависти не надо, я знаю, я борюсь противъ ненависти. Но любви нѣтъ у меня къ тебѣ, Борисъ, и нѣтъ прощенія. Анюта. Поѣдемъ со мной.

Анна Арсеньевна

Да, да, поѣдемъ, Соничка. (*Уходятъ*)

ЯВЛЕНІЕ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Генералъ, Борисъ, Евдокимовна

Евдокимовна (*подходитъ къ Борису и цѣлуетъ ему руку*)

Борисъ Петровичъ, вы на нее не смотрите. Съ горя обезумѣвши, съ горя. Вонъ,

куда ее метнуло, своего родного, да царскаго слугу обижать... Горе это все, батюшка.

Борисъ (*отдергивая руку*)

Убирайся вонъ. Тетя, папа. Вы слышали? Слышали? Это безуміе, это сверхъ силъ. (*Нянька уходитъ въ среднюю дверь*). Господи, да что же это?

ЯВЛЕНІЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Генералъ, Борисъ

Борисъ

Андрей простился со мной, онъ понялъ, какъ же Соня? Какъ она можетъ?

Нат. Петровна

Боря, замолчи. За дверями твой братъ мертвый.

Арсеній Ильичъ

Боричка, милый. Вѣдь она въ состояніи аффекта, прости ей. У меня даже и то голова кругомъ идетъ.

Борисъ

Нѣтъ, дядя, все кончено. Все кончено.

Генералъ

Боря, не распускайся. Не будь бабой. И у насъ у всѣхъ смерть за плечами. Не даромъ присягу давали. (*Борисъ подходитъ къ Натальѣ Петровнѣ, становится передъ нею на колѣни, и прячетъ лицо ей въ колѣни*).

Нат. Петровна (*гладитъ его по головѣ*)

Боря, бѣдненькій мой. Я тебя прощаю. И за себя и за Соню. А Богъ тебя и подавно проститъ. Кто правъ, кто виноватъ не знаю. На все Божья воля. Должно быть всѣ виноваты. Одно только знаю, что очень мы несчастные, очень несчастные...

Генералъ

Ну, что-жъ. Мало-ли терпѣли, и еще потерпимъ, и еще потерпимъ. Терпѣніе великая штука...

ЗАНАВѢСЪ

Дѣйствіе третье

Конецъ Іюля 1906 года

Въ деревнѣ Мотовиловыхъ, Тимофеевскомъ, средняя полоса Россіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МОТОВИЛОВЪ. Посѣдѣлъ, сгорбился, опустился

МОТОВИЛОВА. Въ глубокомъ траурѣ

СОНЯ

БЛАНКЪ

ЕВДОКИМОВНА

ФИМА

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ВОСТОРГОВА. Попадья, лѣтъ 45. Молодится. Роскошныя формы. Завиваетъ на лбу челку. Слѣдитъ за модами. Говоритъ въ носъ. „Да“ произноситъ какъ французское „Dan“

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ПРИВАЛОВЪ. Сельскій учитель. 30 лѣтъ

САВЕЛЬИЧЪ. Приказчикъ изъ мужиковъ, на положеніи управляющаго. Пожилой. Заикается. Косноязычіе свое скрываетъ, говоря кстати и не кстати, „то-есть, это самое“

Звѣздный вечеръ. Площадка передъ домомъ. Налѣво широкая террасса въ домъ, три широкія ступени ведутъ на площадку. Налѣво купы деревьевъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Евдокимовна и Фима. Возятся на террассѣ, около чайнаго стола.

Евдокимовна

На балконѣ чай пить выдумали. Кругомъ бунтовщики, ночью теперь хоть глазъ выколи,—на балконѣ!

Фима

Дарья Евдокимовна, а въ Конопельцинѣ-то управителя побили.

Евдокимовна

Ну, что ты выдумала?

Фима

Право слово. Колька давеча оттуда записку барышнѣ приносилъ—разсказывалъ. Въ селѣ народу много, рожь возили, онъ на мужиковъ крикнулъ, а они на него, да на него. Ванька Шарикъ, кажись, его кулакомъ какъ вдаритъ! Еле ноги унесъ. Господа молчать наказывали. Я Колькѣ побожилась, что никому не скажу. Такъ ужъ только вамъ.

Евдокимовна

А вѣдь тутъ не безъ жида безъ нашего. Онъ все туда стрѣлялъ. Барышня-то вѣритъ ему, а ужъ не доведетъ онъ ее до добра. Охъ, дѣти, дѣти, куда мнѣ васъ дѣти, на ниточку вздѣти и будете висѣти. И гдѣ это Сонюшка? Стемнѣетъ сейчасъ, а ее все нѣту. (*Изъ сада идетъ Попадья. Входитъ на террассу*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

Тѣ же и попадья

(Фима, накрывъ столъ, вскорѣ уходитъ)

Попадья

Здравствуйте, милая. Всегда-то въ хлопотахъ. Хлопотунья!

Евдокимовна

Здравствуйте, матушка. (*Цѣлуются*). Спасибо, что нашихъ не забываете. Ужъ очень они все горюютъ. А Сонюшку въ саду не встрѣтили?

Попадья

Нѣтъ, не видала что-то. Горей-то сколько Богъ послалъ. Да. Гуляла я это по парку, и все думала. Сколько воды утекло. Давно ли можно сказать здѣсь Эдемъ былъ? Молодежь, веселіе. Андрюшенька-то покойникъ, поэтъ нашъ незабвенный, какъ бывало стихи читалъ, и все дэкадэнскіе. А сколько тутъ народу въ Петровъ день бывало! Костры, это, иллюминація. Нигдѣ такъ весело не бывало какъ въ Тимофеевскомъ. Ужъ это извѣстно. Да.

Евдокимовна

И не говорите, матушка. Послалъ Богъ испытаніе.

Попадья

Вотъ и генерала убили. Ну, скажите на милость? За что эту свѣтлую личность жизни лишили? Рыцарь былъ настоящій,

безъ страха и упрека. Да. Вотъ какъ живой передо мной стоитъ. Помните Евдокимовна, когда конопелицкую барышню вѣнчали, какой онъ веселый былъ? Фейерверкъ устраивалъ. Всѣмъ это завѣдывалъ, горячился. Настоящій кавалеръ. Царство ему небесное. И смерть-то какая! Отъ руки злодѣя! А все жиды эти да анархисты. Да.

Евдокимовна

Вотъ и къ намъ въ домъ жидъ затесался. Примазался съ самой кончины Андрея Арсентьича. А теперь вотъ второй мѣсяцъ живетъ. И сколько разъ я барынѣ говорила: погубитъ онъ Сонюшку! Она добрая такая, жалѣетъ все его. А онъ развѣ на что посмотритъ? Вѣдь совершенный нигилистъ. Долго ли до грѣха? Ужъ примѣчаю я, что не ладно. Ну, да что говорить.

Попадья (*оживляясь*)

Неужели правда—влюблена? А Борисъ Петровичъ что? Такъ и разстроилось?

Евдокимовна

Да кабы не этотъ жидъ проклятый, не разстроилось бы. А все онъ.

Попадья

А мы то съ батюшей говорили, вотъ— пара. Да. Надѣялись тутъ ихъ и повѣнчать, какъ Анну Арсеньевну.

Евдокимовна

А она-то бѣдная, тоже все мается. Съ дѣтьми не справиться. Шутка-ли одной, вдовѣ-то. Не хорошія такія письма барынѣ изъ-за границы пишетъ.

Попадья

Да, ныньче никакого уваженія къ родителямъ. Представьте себѣ, мои-то семинаристы, вѣдь тоже ораторами стали. По деревнямъ шляются. Того и гляди схватятъ. Да. (*На террассу входитъ Приваловъ*).

Попадья (*вскакиваетъ*)

Ура! Варшава наша! Иванъ Яковлевичъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ

Тѣ же и Иванъ Яковлевичъ

Учитель

Александрѣ Петровнѣ мое почтеніе. Здравствуйте, Евдокимовна. А старики гдѣ?

Евдокимовна

Развѣ не видали? Въ гостинной сидятъ.

Учитель

А молодежь?

Евдокимовна

Да гуляютъ гдѣ-то.

Попадья

Что это васъ не видать, Иванъ Яковлевичъ?

Учитель

Занятъ все былъ, матушка.

Попадья

Шутникъ! Какія у васъ лѣтомъ занятія. Прокламаціи печатаете, да съ Клавдіей Орловой цѣлуетесь. Вотъ и всѣ ваши занятія. Донъ-Жуанъ!

Учитель

А вы откуда знаете?

Попадья

Откуда знаю? Да все село объ этомъ говоритъ. Не понимаю я васъ. Интеллигентный мужчина и ухаживаетъ за такой необразованной. Да!

Учитель

Такъ вѣдь образованныя недоступны. Вы, напримѣръ.

Попадья

А вы по чемъ знаете?

Учитель

Ого!

Попадья

Евдокимовна, самоваръ, поди, не сейчасъ? Иванъ Яковлевичъ, пойдемте на валъ. Закатъ божественный! Все бы только сидѣть да любоваться. Настоящій романсъ, да.

Учитель

Нравится, такъ и идите. А я тутъ при чемъ?

Попадья

Ахъ, какой нелюбезный. Поэзіи вы, дорогой, не понимаете. Настоящій профанъ Да.

Учитель

А въ ваши годы, да при вашемъ санѣ, поэзію-то, пожалуй, и пора бросить.

Попадья

Всегда что-нибудь непріятное скажете, всегда. Никакого, можно сказать, обращенія у васъ нѣтъ, да. (*Темнѣетъ. Изъ саду выходитъ Соня. Увидавъ, что на террассѣ чужіе, останавливается подъ деревьями*).

Учитель

Да ужъ не такая тонкая штучка, какъ вы.

Попадья

Въ высшей степени это неучтиво. (*Уходитъ въ домъ*).

Учитель

Матушка! Матушка! Что вы обидѣлись? Я пошутилъ. (*Идетъ за ней*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Евдокимовна, Соня. Затѣмъ Фима (приноситъ лампу).

Евдокимовна

И то пора бы ей угомониться. Подъ пятьдесятъ бабѣ. А туда-же. Фимка! Пойди поищи барышню. И куда это она пропала? (*Уходитъ въ домъ. Фима сходитъ съ террассы, озираясь*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ

Фима и Соня

Соня

Фима. Не ищи. Я здѣсь.

Фима

Ну, слава Богу, барышня. А то боязно въ садъ-то за вами идти. (*Уходитъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

Соня садится на скамейку подъ террассой. Входитъ Бланкъ изъ сада.

Бланкъ

Ты ужъ здѣсь? А я тебя въ саду искалъ.

Соня

Здѣсь.

Бланкъ

Что ты мнѣ сказать хотѣла? Начала и недоговорила.

Соня

Я? Нѣтъ, ничего.

Бланкъ

Ну, милая, скажи. Ты послѣдніе дни смутная какая-то. (*Помолчавъ*). Впрочемъ, какъ хочешь. Я тебя понимаю. Я не хотѣлъ бы насильно вызвать разговора. Сочтешь нужнымъ— скажешь, потолкуемъ...

Соня

Устала я...

Бланкъ

Дѣлъ, милая, непочатый уголъ, а ты устала. Ну, что-жъ. Отдохни. Я эти два мѣсяца, можно сказать, отдыхаю. Уѣзжать пора. Кстати и небезопасно тутъ для меня становится.

Соня

Постой, постой, ты не о томъ... Я хотѣла тебя спросить...

Бланкъ

Что съ тобой?

Соня

Выслушай меня. Мнѣ тяжело. Ты пойми. Все путается вокругъ меня. Петля какая-то затягивается. Дышать нечѣмъ. Такъ нельзя...

Бланкъ

Какъ нельзя? Да скажи толкомъ. Какія петли? Вѣдь не старая же семья тебя связываетъ? Неужели и мы, борясь за свободу, еще можемъ чувствовать себя несвободными отъ старой семьи? Въ это я не вѣрю. Если у насъ будутъ дѣти...

Соня

Новая семья! Отъ той ужъ можно быть несвободными? (*серьезно*). Нѣтъ, ты не угадалъ. Выслушай меня. Мнѣ тяжко... Мнѣ страшно... мнѣ скучно...

Бланкъ

Со мной?

Соня

Не знаю. Мы оба какіе-то жалкіе. Общественности себя посвятили, пропагандой за-

нимаемся... Немножко рискуемъ, но не очень, о нѣтъ! А попутно семейное счастье устраиваемъ... Все какъ слѣдуетъ, и романтизма даже столько, сколько слѣдуетъ, не больше: паркъ, соловьи, поцѣлуи при лунѣ,—а потомъ жена, вѣрная помощница. И все по хорошему, по честному... О, старая канитель! Старая, сѣрая жизнь! Сѣрая общественность... Андрей правду говорилъ, старое душитъ, сердце выпиваетъ. Смерть безъ смерти.

Бланкъ

Заскучала ты, Соня. Но вѣдь нельзя же такъ поддаваться настроенію, по случайному капризу перестать вѣрить въ то, во что ты вѣрила. Жизнь безпощадна; въ борьбѣ съ ней не романтическіе порывы нужны, а тупое, трезвое упорство. Это упорство у меня есть. И у тебя оно есть. Твое уныніе временное. Ты такая же, какъ и я.

Соня

Да... нѣтъ... Не такая, не такая! У меня все другое! Я вижу ужасъ кругомъ, смерть. Я не умомъ, а какъ-то всѣмъ существомъ вижу ее, слышу ее... А ты на это отвѣчаешь кропотливой работой муравья... Ты говоришь,

что это честно, а я... я не знаю. Все несется впередъ, рушится, падаетъ, а ты хочешь кого-то образумить. Поздно, поздно...

Бланкъ

Все рушится... а хоть бы и такъ? Надо глядѣть гибели прямо въ глаза, не бравируя, но и не ужасаясь. Гибель...—смотрятъ же ей спокойно въ глаза сотни товарищей. Въ томъ то и выдержка, чтобъ не соблазняться гибелью и дѣлать по-прежнему дѣло жизни. Смерть? но упорство моей вѣры въ то дѣло, которому служу, это ли не побѣда надъ смертью? Терпѣнія у тебя, Соня, нѣтъ. Нервы расходились, вотъ и я тебѣ сталъ казаться какимъ-то сѣрымъ и тусклымъ. Ты безсознательно вспоминаешь всѣ банальности, всѣ общія мѣста, которыя насъ, соціалъ-демократовъ, рисуютъ въ глупомъ и пошломъ видѣ, и относишь все это ко мнѣ. И ты незамѣтно отходишь отъ меня. Ты не хочешь понять, что скрывается подъ холодной, подчасъ слишкомъ трезвой внѣшностью зауряднаго партійнаго работника. Говорить о переживаніяхъ не значитъ ихъ еще переживать, помни это. Ты меня не понимаешь только потому, что я давно при-

шелъ къ трезвости, давно научился молчать обо всемъ, что привело меня къ упорному, трезвому служенію дѣлу борьбы. Я рѣдко высказываюсь, сейчасъ я говорю съ тобою, быть можетъ, въ первый разъ. Слушай. Изъ безконечныхъ далей видны только трезвыя и простыя вещи. Все же иное—поддѣльная глубина, истерика. Не глубина это, а болото. Если я отвѣчу тебѣ на твои сомнѣнія просто и банально, что у тебя дѣтское нетерпѣніе, и что исторія дѣлается не сразу, знай, — въ моихъ словахъ мудрость еврея. Въ насъ есть особая мудрость. А у тебя, Соня, нѣтъ мудрости. Порывъ, смѣняющійся отчаяньемъ. Теперь намъ нужна страшная выдержка, страшное терпѣніе.

Соня

Ждать я не могу. Я вѣдь живу одинъ разъ, и зачѣмъ-то люблю жизнь, зачѣмъ-то живу. Что-то вѣдь съ меня, если я живу, спрашивается же? Да, надо дѣлать, да, нельзя не дѣлать... Смерчь закрутился, Андрея убили, дядю Пьера убили... Убиваютъ, а я, храня себя, буду прокламаціи разбрасывать съ тобой? да... что еще? Программныя общія мѣста повторять? Нѣтъ, я не могу. Нѣтъ, если такъ...

Бланкъ

Конечно, на нашу долю выпала тяжелая полоса исторіи. Но мы потрудимся не даромъ. Будущія поколѣнія...

Соня

Нѣтъ мнѣ дѣла до будущихъ поколѣній! Сейчасъ — моя жизнь, моя вина, мой отвѣтъ. Моя боль неутолимая!

Бланкъ

Но вѣдь есть же у тебя твое личное счастье, Соня? Вспомни, мы любимъ другъ друга. Вмѣстѣ легче страдать.

Соня

О, какое личное счастье! Вмѣстѣ ты говоришь, вмѣстѣ... А вотъ я страдаю одна... Ты не хочешь меня понять. Или ты не можешь?

Бланкъ

Милая, хорошая моя. Ну, успокойся, ну, скажи...

Соня

Я скажу. Вотъ что я тебѣ скажу... Вотъ что я думала... Да, да, думала—и думаю: если

кругомъ все только сплошное безуміе,— бѣжать надо, безъ оглядки, на край свѣта... или...

Бланкъ

Или что?

Соня (*помолчавъ, спокойно*)

Или, у кого есть силы, есть вѣра въ свою правду, идти, какъ Андрей, убивать, быть убитымъ; другихъ путей нѣтъ сейчасъ для насъ. Я не вижу.

Бланкъ

Безуміе. Истерика.

Соня

Я спокойна. Да, конечно, это безуміе. У меня нѣтъ вѣры Андрея... Я не знаю. Своей смерти я не боюсь, но права на чужую жизнь—у меня нѣтъ... Мнѣ страшно, страшно... Я не знаю, куда итти. Неужели нѣтъ, дѣйствительно нѣтъ, иныхъ путей, иного выхода? О, помоги мнѣ, помоги мнѣ. Пойми, что я тебѣ говорю, я слабая, усталая...

Бланкъ

Милая, бѣдная ты моя. Словами я не могу тебѣ помочь. Просто ты еще не знаешь

ни меня, ни дѣла. Передумай, перестрадай, только серьезно, безъ истерики, и ты довѣришься мнѣ. Отъ дѣла я никогда не отойду. Я до конца жизни буду бороться за счастье другихъ, за угнетенный народъ мой, за свое счастье, и за тебя тоже. Да, Соня, за тебя. Чтобы ты побѣдила уныніе свое, полюбила жизнь. Она прекрасна. Въ ней святая борьба. Человѣкъ побѣдитъ судьбу. Сильный и свѣтлый вступитъ онъ въ царство свободы изъ царства необходимости...

Соня

Ты правъ для себя. Иди своей дорогой, оставь меня.

Бланкъ

Соня, кто-то пришелъ на террассу. Пойдемъ въ садъ, я долженъ тебѣ еще сказать...

Соня

Нѣтъ, оставь меня. Потомъ, послѣ. Теперь я хочу быть одна. Я должна быть одна. (*Уходитъ за домъ, Бланкъ черезъ нѣкоторое время идетъ на террассу. На террассу вошли Арсеній Ильичъ, Нат. Петровна, Попадья, Приваловъ, позже Бланкъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ

Арсеній Ильичъ, Нат. Петровна, Попадья, Приваловъ, Бланкъ.

Попадья

Батюша дома сидитъ. Нельзя же домъ такъ оставлять. Нынче ни одного момента спокойствія. Да. Представьте, Наталья Петровна, сегодня я это сижу у окна и вдругъ съ улицы какіе-то сарданапалы подходятъ и нахально такъ денегъ просятъ. Я окно захлопнула, а они мнѣ такое слово вслѣдъ, что даже сказать нельзя. Да. Совсѣмъ избаловался народъ. Да.

Приваловъ

А вы, матушка, дурныя слова понимаете? (*Бланкъ входитъ на террассу*).

Нат. Петровна

Сони не видали?

Бланкъ

Она у себя, на верху, сейчасъ придетъ. Ну, что, Иванъ Яковлевичъ, какъ дѣла?

Матушка, а я вашихъ сынковъ сегодня видѣлъ. Молодцы они у васъ.

Попадья

Ахъ, мосье Бланкъ, какіе молодцы. Это, можно сказать, мое вѣчное страданіе, да.

Приваловъ

Какихъ змѣй вы на своей обширной груди вскормили! (*Входитъ Евдокимовна*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ

Тѣ же и Евдокимовна

Евдокимовна (*съ ехидствомъ*)

Въ Конопельцынѣ управителя мужики избили.

Нат. Петровна

Все-то ты знаешь, Евдокимовна.

Евдокимовна

Да небось Іосифъ Іосифовичъ лучше моего знаетъ.

Арсеній Ильичъ

Кто тебѣ сказалъ?

Евдокимовна

Ужъ правду говорю.

Попадья

Ну, вотъ, я говорила тоже. (*Евдокимовна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ

Тѣ же безъ Евдокимовны

Приваловъ

Что вы говорили? Ничего вы не говорили. Да и мерзавецъ-то этотъ конопелицкій управитель. По-дѣломъ ему.

Попадья

Ну да, вы вотъ все такъ, Иванъ Яковлевичъ. Принципности у васъ никакой. Наталья Петровна, представьте себѣ, мнѣ намедни начальникъ станціи говорилъ, что ему съ прокламаціями сладу нѣтъ. Какъ поѣздъ пройдетъ, такъ вся станція прокла-

маціями завалена, и все самаго возмутительнаго содержанія.

Приваловъ

А вы ихъ, матушка, читали?

Попадья

Вотъ и читала.

Приваловъ

Васъ бы за это арестовать слѣдовало.

Попадья

И чѣмъ это все кончится? Катастрофа грандіозная.

Арсеній Ильичъ

Силъ нѣтъ. Я совершенно боленъ. Тутъ жить нельзя.

Бланкъ

Не бойтесь, къ вамъ не придутъ.

Арсеній Ильичъ

Да непремѣнно придутъ. Никакого сомнѣнія нѣтъ, что придутъ. Елачина спа-

лили-же. Это безуміе жить здѣсь. Какъ разогнали Думу проклятую, такъ удержу не стало. Я понимаю, она дѣйствительно утрировала, но неужели нельзя было какъ нибудь... Постепенно... смазать, осадить тамъ, осадить здѣсь. А вѣдь это адъ, хаосъ, варварство...

Нат. Петровна

Опять ты волнуешься, Арсеній.

Приваловъ

Кто-жъ въ этомъ хаосѣ виноватъ?

Попадья

А на духовенство теперь походъ. Реформы, реформы и реформы. Да. Точно духовенство въ чемъ виновато. Изъ кулька въ рогожку перебиваемся, а еще реформы. Да.

Приваловъ

Я вчера вашего батюшу встрѣтилъ. Изъ Заклинка ѣхалъ. Цѣлую телѣгу всякаго добра везъ.

Попадья

Безсеребренникъ какой нашелся. Вамъ, поди, бабы полотенецъ да куръ не носятъ? Да. (*Соня входитъ изъ дома*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ

Тѣ же и Соня

Нат. Петровна

Ну, наконецъ-то, ты.

Соня

Мы гуляли съ Іосифомъ Іосифовичемъ, Такъ хорошо. Люблю я Тимофеевское.

Попадья

Очаровательно здѣсь. Паркъ-то какой. Я говорила Евдокимовнѣ, настоящій Эдемъ.

Приваловъ

Такъ вѣдь въ Эдемѣ-то змѣй и завелся.

Попадья

Много вы знаете. Атеистъ! (*Входитъ Савельичъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Тѣ же и Савельичъ

Савельичъ

То есть, это самое, ваше превосходительство, Лыково горитъ.

Соня

Ахъ, правда, зарево какое! (*Всѣ спускаются съ террассы*).

Савельичъ

Такъ что, это самое, подпалили.

Попадья

Конечно, подпалили. И навѣрное Калинкинскіе. Тамъ все головорѣзы.

Приваловъ (*отводитъ Бланка въ сторону*).

Іосифъ Іосифовичъ. А вы бы, батинька, убирались отсюда, да поскорѣе.

Бланкъ

А что?

Приваловъ

Да до васъ добираются. У меня, надо вамъ сказать, съ урядникомъ дружба. Такъ онъ намекалъ.

Бланкъ

Я и то собираюсь. Спасибо.

Арсеній Ильичъ

Нѣтъ, нѣтъ. Такъ нельзя. Надо уѣзжать. У меня каждый день сердечные припадки. Я въ этомъ домѣ родился, а завтра отъ него, можетъ, куча углей останется. Да чортъ съ нимъ, съ домомъ-то, а насъ, вы думаете, кольями не распорятъ?

Нат. Петровна

Арсеній, не распускайся.

Савельичъ

То есть, это самое, очень тутъ стало опасно, ваше превосходительство.

Попадья

Иванъ Яковлевичъ, голубчикъ, поѣдемте со мной, мнѣ страшно. И батюша дома одинъ.

Приваловъ

Ничего съ батюшей вашимъ не станется. Навѣрное сидитъ пассьянсъ раскладываетъ.

Арсеній Ильичъ

Трудился, работалъ всю жизнь, отдалъ наукѣ здоровье, силы... И силы не изсякли

еще... И вотъ, на. Ни за что, ни про что, потому что гдѣ-то, кто-то Думу разогналъ... Я то тутъ при чемъ,—спрашивается?

Нат. Петровна

Не волнуйся. Ну, уѣдемъ за-границу, куда хочешь. Мнѣ все равно.

Соня

Савельичъ, вы бы въ Лыково рабочихъ послали.

Савельичъ

Что вы это барышня, то есть, это самое, чтобъ насъ подпалили? А вотъ пойти караульныхъ провѣрить—это, то есть, это самое, слѣдуетъ. Надо бы, ваше превосходительство, еще одного караульнаго.

Арсеній Ильичъ

Ну, что вздоръ городить. Точно караульные помогутъ.

Савельичъ

Ваше превосходительство, вы бы, то есть это самое, войскъ попросили. На станцію сегодня цѣлый полкъ пришелъ.

Арсеній Ильичъ

Савельичъ, оставьте вы меня въ покоѣ! Мы все равно уѣдемъ, а тутъ хоть все пропадомъ пропадай!

Савельичъ

Какъ угодно, не мое добро, ваше.

Попадья

Савельичъ, дорогой! Лошадку-то мою велите закладать. Я поѣду. Иванъ Яковлевичъ, милый, поѣдемте. А батюша-то какъ волнуется. (*Савельичъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ

Нат. Петровна

Ну, матушка, куда торопитесь, чайку попьемъ.

Приваловъ

Да-съ. Иллюминація. И вѣдь что жгутъ-то? Сами впроголодь, а хлѣбъ жгутъ.

Бланкъ

Господа. Пойдемте на валъ. Оттуда виднѣе.

Соня

Нѣтъ, не надо.

Нат. Петровна

Лучше сядемте за столъ. Надо успокоиться. Ужъ очень всѣ разнервничались. (*Приваловъ, Попадья, Нат. Петровна идутъ на террассу. Бланкъ стоитъ рядомъ съ Соней, смотрятъ на зарево. Профессоръ ходитъ по саду.*

Нат. Петровна

Да, Иванъ Яковлевичъ. Вамъ насъ трудно понять. Вы чужой здѣсь человѣкъ. Сегодня здѣсь, завтра тамъ. А намъ-то каково? Когда я сюда пріѣхала—въ уѣздѣ ни одной школы не было. Наша первая. Все на моихъ глазахъ выросло. Вѣдь я чуть не всѣхъ крестьянъ тутъ знаю, и всегда въ ладу жили. Ну, сами посудите, развѣ мы крестьянъ въ чемъ обижаемъ?

Арсеній Ильичъ (*поднялся на террассу въ то время, какъ говорила Наталья Петровна*).

Вѣдь эти самые калинкинскіе мнѣ три

года за обрѣзъ не платятъ. Что-жъ, развѣ я съ нихъ тяну? А подожгутъ лучшимъ образомъ.

Приваловъ

Такъ вѣдь если подожгутъ, такъ не васъ, а помѣщика. Помѣщикъ всегда не правъ.

Арсеній Ильичъ

Отличная логика и утѣшеніе. Спасибо-съ. А вы думаете васъ не тронутъ, третій элементъ? Дайте-ка срокъ, и противъ васъ пойдутъ. Тутъ-съ вся культура рушится. Пугачевщина идетъ. (*Приходятъ изъ сада Бланкъ и Соня*).

Попадья

Иванъ Яковлевичъ, милый, ну полно вамъ чайничать. Лошадку-то ужъ навѣрное подали.

Приваловъ

Да что вы, влюбились въ меня что ли, шагу безъ меня сдѣлать не можете!

Попадья

Даму даже проводить не хотите.

Приваловъ

Ну, хорошо, поѣдемте, „дама“!

Попадья

Наталья Петровна, безцѣнная, до свиданія. Завтра у обѣдни будете? А то я скажу батюшѣ подождать.

Нат. Петровна

Нѣтъ, матушка, вы насъ не ждите.

Арсеній Ильичъ

Да мы, можетъ быть, завтра и совсѣмъ уѣдемъ. Вѣдь не ждать же въ самомъ дѣлѣ, чтобъ насъ подожгли. Поѣдемъ въ Петербургъ, сдадимъ квартиру да и махнемъ заграницу.

Бланкъ

Правда, вамъ слѣдуетъ уѣхать. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Совершенно вамъ теперь въ Россіи дѣлать нечего.

Арсеній Ильичъ

Совершенно нечего, совершенно. Довольно натерпѣлись въ чужомъ пиру похмѣлья.

Бланкъ

Конечно, конечно. Соберитесь-ка поскорѣе, да и уѣзжайте.

Приваловъ

А зарево-то уменьшается. Ну, матушка, я вашъ, весь вашъ. (*Нат. Петровнѣ*). Если впрямь уѣзжать надумаете, дайте знать. Я зайду. Можетъ, указанія какія дадите, вѣдь вы, какъ ни какъ, а попечительница.

Попадья

Наталья Петровна, непремѣнно дайте знать. Мы съ батюшей проститься пріѣдемъ. До свиданія, милая. (*Всѣ идутъ провожать уѣзжающихъ, кромѣ Бланка и Сони*).

Арсеній Ильичъ (*уходя*)

Да ужъ если уѣзжать, такъ дѣйствительно скорѣй, какъ можно скорѣе.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Бланкъ и Соня

Бланкъ

Ну, вотъ, это даже къ лучшему. Старики уѣдутъ, отдохнутъ, успокоятся. А

намъ и свободнѣе будетъ, да и выяснится все скорѣе. Ты скажешь имъ, что ты... моя жена. На мой взглядъ — давно надо было сказать.

Соня

Да. Видишь-ли... Я, конечно, скажу имъ все... Но я, вѣроятно, уѣду съ ними.

Бланкъ

Соня, ты опять давешній разговоръ, что ли, хочешь поднимать? Повѣрь, я очень серьезно отнесся къ тому, что ты говорила, но только, все же, у тебя много истерики, настроенія... Уныніе совсѣмъ тебя недостойное.

Соня

Нѣтъ, милый мой. Я не хочу разговоровъ. Зачѣмъ? Подумала одна: худо-ли, хорошо ли, а свое про себя поняла, — ну и довольно. Правда, я хотѣла что-то тебѣ высказать, — всегда вѣдь рвешься высказаться... близкому, какимъ ты мнѣ казался. Не съумѣла этого,—ну и не надо. Я покорилась. Я вотъ только и хотѣла сказать тебѣ, что уѣду.

Бланкъ

Да что ты, Соня? Чему ты покорилась? Я отлично тебя понялъ и понимаю. Я чувствую твое уныніе, твое отчаяніе. И самъ черезъ это проходилъ. Ты ищешь оправданія, искупленія, жаждешь себя въ жертву принести. Это святое чувство, но оно слабость. Тутъ есть замаскированный эгоизмъ...

Соня

Можетъ быть. Я тебѣ ужъ сказала, я не хочу разговаривать, спорить. У каждаго изъ насъ своя правда. Но моя — моя, и я съ этимъ ничего не могу подѣлать. Ты вотъ все объ уныніи. Видишь, какъ ты меня не знаешь! О, я не унылая. Я могу мучиться, ошибаться, колебаться, возвращаться, — я еще и теперь не знаю, окончательно ли я повернула съ моего перепутья, не затуманитъ ли опять жизнь, — но одно знаю: въ уныніи, въ однообразномъ отчаяніи, жизнь моя никогда не влачилась, и никогда я ее влачить не буду.

Бланкъ

Вѣдь не хочешь же ты сказать, что ты... по ошибкѣ со мной сблизилась? Мы полю-

били другъ друга сознательной любовью... А если такъ, то зачѣмъ же ты хочешь меня покинуть?

Соня

О, я понимаю, что я дѣлаю. Я ни въ чемъ не раскаиваюсь... но вѣдь это еще не значитъ, что сближеніе наше не было ошибкой. Послушай: такое сближеніе какъ наше, вотъ когда люди становятся мужемъ и женою или любовниками — это или такъ велико и важно, такъ безмѣрно важно, что всей важности ты даже и не понимаешь, да и рѣдкіе понимаютъ... или же это—совершенное ничто, совсѣмъ ничто. Сошлись— и не сошлись. Сошлись — и не увидѣли другъ друга. И вотъ, когда сошлись—и не увидѣли,—это, можетъ быть, еще важнѣе, потому что тутъ непростимое, незабвенное... Люди не смѣютъ такъ сходиться— чтобъ въ глаза другъ друга не видѣть! Это имъ не позволено! И если оно съ ними случается...

Бланкъ

Ты отлично знаешь, какъ я тебя люблю.

Соня (*продолжая свою мысль*)

И мы съ тобой, мы съ тобой... Я еще

не знаю, я еще не смѣю знать... Но мнѣ кажется иногда, что мы съ тобой, вотъ такъ, въ глаза другъ друга не увидѣли, вотъ такъ, ничего и не было; марево, туманъ какой-то наплылъ...

Бланкъ (*съ раздраженіемъ*)

Значитъ, ты не поняла, а не я, насколько мы глубоко и неразрывно связаны. Если же ты меня не любишь, если ты просто поддалась мимолетному увлеченію, то имѣй мужество это сказать, а не прикрывайся громкими фразами. Скажи прямо, что я для тебя больше не существую. (*Мѣняя тонъ*). Соня, это все неправда, это туманъ. Ты испугалась личнаго счастья, тебѣ показалось, что оно не заслужено. Это пройдетъ, милая. (*обнимая ее*). Я тебя люблю и ты меня любишь, да? да?

Соня (*отстраняя Бланка*)

Весь ты—мой туманъ. Холодный туманъ. Весь ты... Весь ты... Никто невиноватъ, а, можетъ быть, оба мы виноваты. Нѣтъ, должно быть никто. Вѣдь и я твой туманъ... Вѣдь ты тоже въ глаза меня не видалъ!

Бланкъ

Соня, замолчи сейчасъ! Это дико, что ты говоришь. Я хочу положить всему конецъ. Сегодня-же вечеромъ я прекращу это нелѣпое, фальшивое положеніе. Я вѣрю въ тебя, въ себя, въ твою любовь. Будущее покажетъ тебѣ правду. Сегодня же я скажу все твоимъ. Мы поговоримъ серьезно. И уѣдемъ отсюда какъ можно скорѣе. Пора положить конецъ, пора вернуться къ трезвости и настоящей жизни. Слышишь, Соня?

Соня

Слышу. Дѣлай какъ хочешь. Пусть будущее покажетъ правду. А только и ты ея, настоящей правды, такъ же не знаешь, какъ я не знаю. Пусть покажетъ будущее... (*Идетъ на террассу, за ней Бланкъ. На террассу входятъ Арсеній Ильичъ и Наталья Петровна*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Арсеній Ильичъ

Я, можетъ быть, и преувеличиваю, можетъ быть это нервы, но оставаться я здѣсь не могу. Силъ моихъ нѣтъ.

Нат. Петровна

Да, Арсеній. Надо уѣзжать. Слишкомъ тутъ тяжело.

Арсеній Ильичъ

Правда, поѣдемте завтра, налегкѣ. А Евдокимовна домъ приберетъ, уложится и пріѣдетъ съ вещами. Вѣдь все равно за-границу не сразу. Соня, хочешь за-границу? Вѣдь ты тоже хочешь за-границу?

Соня

Да, хочу.

Арсеній Ильичъ

Ну вотъ и отлично. Всѣ и поѣдемъ.

Нат. Петровна

А куда же поѣдемъ-то?

Арсеній Ильичъ

Въ Парижъ. Разумѣется, въ Парижъ. Я тамъ заниматься буду. Лекціи читать...

Бланкъ

Арсеній Ильичъ. Мнѣ нужно съ вами поговорить. (*Входитъ Евдокимовна*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Тѣ же и Евдокимовна

Евдокимовна

Идутъ! идутъ! (*убѣгаетъ. Всѣ вскакиваютъ*).

Арсеній Ильичъ

Мужики? Мужики? (*Бланкъ бѣжитъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Соня, Нат. Петровна, Арсеній Ильичъ. Пауза.

Бланкъ (*изъ дверей*)

Идите. Это полиція и солдаты. Въ Лыково, должно быть. (*Арсеній Ильичъ уходитъ съ Бланкомъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Соня и Нат. Петровна

Нат. Петровна

Солдаты? Солдаты? Зачѣмъ солдаты?

Соня, когда же это кончится? Они стрѣлять будутъ? Господи! Господи!

Соня

Мамочка, милая, они въ Лыково идутъ. Они у насъ не останутся.

Нат. Петровна

Только бы они не стрѣляли. Неужели опять убійства? Сколько крови...

Соня

Нѣтъ, мама, они только охранять будутъ. Не бойся, моя хорошая, дорогая. Вотъ поѣдемъ за-границу, будемъ жить тихо, въ сторонѣ, покойничковъ своихъ поминать...

Нат. Петровна

Помнишь, какъ дядя Пьеръ за Андрюшей ухаживалъ? Сколько ласки у него было! И Андрей его любилъ. А вотъ, оба погибли. Точно другъ друга убили.

Соня

И милое Тимофеевское умираетъ; какъ живой человѣкъ умираетъ. А Андрей-то

какъ его любилъ! А Борисъ! Прошлымъ лѣтомъ, на войнѣ мы съ нимъ все вспоминали, какъ здѣсь когда-то въ индѣйцевъ играли.

Нат. Петровна

Кажется, ушли?

Соня

Кто?

Нат. Петровна

Да солдаты!

Соня (*прислушиваясь*)

Солдаты? Должно быть нѣтъ еще. Слышишь шумъ?

Нат. Петровна

Да, слышу. Господи, Господи!

Соня

Мама, мама! Что-то будетъ, что-то будетъ съ нами? Ничего я больше не вижу, не понимаю, гдѣ правда, гдѣ ложь. Но такъ жить больше нельзя. Какъ вспомню объ Андреѣ, о дядѣ Пьерѣ, такъ сердце и упадетъ... Должны же мы искупить эти смерти. А мы...

Нат. Петровна

Что мы?

Соня

Да нехорошо какъ-то живемъ. Не такъ, не то.

Нат. Петровна

Мы старые, Соня. Съ насъ не спросится. Столько горя намъ Богъ послалъ, что иногда даже не подъ силу. А ты, дѣтка, еще успѣешь. У тебя жизнь вся впереди.

Соня

Ахъ, мама, что я успѣю! Я совсѣмъ, совсѣмъ не знаю, что дѣлать...

Нат. Петровна

А мнѣ вѣрилось, что ты понемногу успокоишься, что Іосифъ Іосифовичъ тебѣ поможетъ...

Соня

Нѣтъ, мама. Онъ мнѣ душу опустошилъ. Ничего въ ней не осталось, недоумѣніе какое-то... (*Вбѣгаетъ Арсеній Ильичъ. Въ изнеможеніи падаетъ въ кресло. Нѣкоторое время молчитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Тѣ же и Арсеній Ильичъ

Нат. Петровна (*вставая*)

Что съ тобой? Арсеній, тебѣ дурно?

Арсеній Ильичъ

Ничего, ничего, все пустяки. Не волнуйтесь.

Соня

Да что такое наконецъ? Папа, да говорите же!

Арсеній Ильичъ

Бланкъ, Бланка...

Соня

Что, что?..

Арсеній Ильичъ

Его... увезли.

Соня

Арестовали?

Арсеній Ильичъ (*молча киваетъ головой*)

Соня

Гдѣ онъ, гдѣ онъ? Надо же ѣхать... да что это, Господи, да какъ-же это? Я иду, я иду (*порывается идти*).

Арсеній Ильичъ (*удерживаетъ ее*)

Никуда ты не пойдешь. Говорятъ тебѣ, его увезли. Это пустяки. Я говорилъ со становымъ. Надо къ губернатору поѣхать, я похлопочу. Спасибо еще обыска не сдѣлали. Да гдѣ же Евдокимовна? Завтра утромъ на вокзалъ поѣдемъ, его увидимъ. Евдокимовна! Онъ просилъ кой-какія вещи. Чортъ ее дери! Вѣчно нѣтъ, когда нужно! Соня, ты лучше знаешь, что онъ тутъ дѣлалъ? Дѣйствительно въ чемъ-нибудь замѣшанъ?

Нат. Петровна

Оставь, подожди. (*Арсеній Ильичъ уходитъ въ домъ. Слышны его крики „Евдокимовна! Евдокимовна!“*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Соня и Нат. Петровна

Соня (*плачетъ*)

Какъ я передъ нимъ виновата!

Нат. Петровна

Дѣвочка моя, да ты... любишь его?

Соня

Ахъ, если-бъ вы знали, если-бъ вы знали...

Нат. Петровна

Да ты любишь его?

Соня

Поймите же, что я ничего не знаю! Можетъ люблю... любила... кажется. Да, кажется, потому что я его... то есть онъ мой... любовникъ. Слышишь, мама?

Нат. Петровна

Бѣдная, бѣдная ты моя дѣвочка! Не бойся, дѣтка, поплачь, поплачь.

Соня

Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? За нимъ идти—зачѣмъ? Съ вами оставаться—зачѣмъ? Ничего не знаю, гдѣ правда, гдѣ ложь...

Нат. Петровна

Соня! Ты его жена. Ты должна идти за нимъ. Дастъ Богъ, его выпустятъ, и ты...

Соня

Не могу... Не могу...

Нат. Петровна

Не понимаю.

Соня

Ахъ, мама, я сама себя не понимаю! Но я знаю, что тутъ ложь, неправда. А не хочу быть женой. Это было навожденіе, надрывъ. Я пожалѣла его, я думала, что люблю его...

Нат. Петровна

Не грѣши, Соня. Твой путь теперь ясенъ. Ты теперь прежде всего жена, можетъ быть будешь матерью...

Соня

Нѣтъ, нѣтъ, я не жена, не мать, я сама... сама я... Понимаете — я! И зачѣмъ ребенокъ? Что я съ нимъ буду дѣлать? На что онъ родится? На смерть? Мама, мнѣ страшно, страшно!..

Нат. Петровна

Не намъ судить объ этомъ. Не ропщи, дѣтка моя. Смирись. (*Входитъ Арсеній Ильичъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ

Нат. Петровна, Соня, Арсеній Ильичъ

Арсеній Ильичъ

Завтра рано утромъ на вокзалъ. Евдокимовна его вещи приготовитъ. Соня, ты бы ей помогла. А вечеромъ и сами укатимъ. Довольно, довольно, силъ моихъ больше нѣтъ!.. (*Входитъ Евдокимовна*).

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Тѣ же и Евдокимовна

Евдокимовна

Вотъ дѣловъ-то этотъ смутьянъ надѣлалъ!

Арсеній Ильичъ (*возбужденно*)

Всѣ поѣдемъ, всѣ поѣдемъ. Все бросимъ. И тебя, старая, возьмемъ.

Евдокимовна

Куда это, батюшка, мои кости старыя везти хотите?

Арсеній Ильичъ

Въ Парижъ, въ Парижъ...

ЗАНАВѢСЪ

Дѣйствіе четвертое

Октябрь 1906 года

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

АРСЕНІЙ ИЛЬИЧЪ

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА

СОНЯ

БЛАНКЪ

АННА АРСЕНЬЕВНА

ВАСЯ, ея сынъ. Цыбастый подростокъ

БОРИСЪ

КОГЕНЪ, МАКСИМЪ САМОЙЛОВИЧЪ. Интеллигентъ-журналистъ. Еврейскаго происхожденія, приземистый. упитанный, веселый. Жмурится какъ котъ

ГУЦИНЪ, ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ. Очень юный поэтъ, высокій, лицо мертвенное. Голосъ подкошенный, шеей не ворочаетъ отъ подпирающихъ его воротничковъ

ГОРНИЧНАЯ, француженка

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ квартирѣ Мотовиловыхъ

Гостинная. Осень. Въ глубинѣ очень широкая стеклянная дверь въ столовую. Въ столовой у стола сидятъ Наталья Петровна, Анна Арсеньевна и Вася. Разговариваютъ. Въ гостинной налѣво, у камина, Арсеній Ильичъ. Ноги подъ пледомъ. Бланкъ ходитъ по комнатѣ, попивая кофе изъ маленькой чашечки

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Арсеній Ильичъ, Бланкъ

Арсеній Ильичъ

Ну, что жъ, оно, пожалуй, и лучше, что вы, наконецъ, собрались. Скучно намъ, старикамъ, будетъ, да ничего не подѣлаешь.

Бланкъ

А вы къ намъ весной пріѣзжайте. Въ Женевѣ дивная весна.

Арсеній Ильичъ

Ну, до весны-то... еще, можетъ, амнистію дадутъ. Вы въ Россію уѣдете.

Бланкъ

Какая тамъ амнистія. Да мнѣ все равно. Надо будетъ—и безъ амнистіи вернусь. Пока хочется подучиться. Ужасно притупляетъ пропаганда, я даже за литературой пересталъ слѣдить. Въ тюрьмѣ кое-что подчиталъ, жаль бросать. А Плехановъ въ этомъ дѣлѣ незамѣнимъ.

Арсеній Ильичъ

Да, да. Какъ бы только Соня въ Женевѣ не соскучилась.

Бланкъ

И Соня, если захочетъ, всегда дѣло найдетъ. Вотъ, мнѣ поможетъ... Я, вѣдь, насчетъ иностранныхъ языковъ плохъ. Вмѣстѣ читать будемъ... Наконецъ, тамъ большая русская колонія.

Арсеній Ильичъ

Да, да. А все-таки трудно вамъ пред-

рѣшать. Сегодня одно, а къ веснѣ... да что къ веснѣ! и раньше,—такъ все въ Россіи можетъ повернуться...

Бланкъ

Я не сомнѣваюсь, Арсеній Ильичъ... Но что же изъ этого? На наши планы это существенно вліять не можетъ. Наше дѣло такое.. не русское оно только,—всемірное дѣло. Россія пока переживаетъ свою революцію. Это необходимо, но это лишь подготовка къ будущей, къ послѣдней, къ настоящей.

Арсеній Ильичъ

Ну, мы то ужъ ее не увидимъ. Да и вы, пожалуй, не увидите.

Бланкъ

Право, не знаю. Не останавливаюсь на этомъ вопросѣ. (*Помолчавъ*) Мнѣ важно мое дѣло дѣлать, сегодня, завтра. Если мои усилія хоть сколько-нибудь послужатъ для достиженія общей послѣдней цѣли,—то съ меня достаточно этого сознанія. Главное не терять даромъ силъ и дней.

Арсеній Ильичъ (*уныло*)

Я понимаю.

Бланкъ

А тутъ суета какая-то въ Парижѣ. Сосредоточиться невозможно. Да и Сонѣ здѣсь нехорошо. Я вамъ откровенно скажу, Арсеній Ильичъ, нездоровая у насъ здѣсь атмосфера. Ужъ кажется я человѣкъ нормальный, а и то сталъ какой-то раздражительный. Повѣрьте, не виню я васъ. По человѣчеству я васъ искренно полюбилъ, понимаю васъ, цѣню ваше личное благородство, неисчерпаемую доброту Наталіи Петровны... Но что же подѣлаешь! Жизнь—штука жестокая. Въ ней желѣзо есть. Она неумолимо отстранила васъ, отстраняетъ. Итти намъ противъ нея, оставаться съ вами—это значитъ самимъ обезсилѣть. Сонѣ очень тяжело. Я вижу. Но единственное ея спасеніе—перемѣнить обстановку, жить съ людьми, у которыхъ нѣтъ ничего въ прошломъ, а все въ будущемъ. Прошлое ее давитъ. Хватитъ силы преодолѣть—выплыветъ.

Арсеній Ильичъ

Отлично я васъ понимаю. И спасибо, что такъ прямо говорите. Мы — прош-

лое. Но мы вамъ мѣшать жить не будемъ. А все-таки утѣшеніе у насъ есть: были и мы нужны въ свое время... Вѣдь были же? (*Пауза*) Свое дѣло въ свое время вѣдь сдѣлали же?

Бланкъ (*разсѣянно*)

Конечно, конечно... (*Молчаніе*)

Арсеній Ильичъ

А сколько ѣзды-то до Женевы?

Бланкъ

Ночь одна. Завтра вечеромъ выѣдемъ, а утромъ въ Женевѣ.

Арсеній Ильичъ

Вы хоть пишите намъ почаще.

Бланкъ

Я корреспондентъ плохой. А Соня, конечно, писать будетъ. (*Уходитъ въ дверь налѣво*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

Арсеній Ильичъ

Арсеній Ильичъ (*кричитъ въ столовую*)

Вася! Принеси мнѣ еще кофею (*Изъ столовой голосъ Наталіи Петровны; „сейчасъ“. Входитъ Анна Арсеньевна съ чашкой*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ

Анна Арсеньевна и Арсеній Ильичъ

Анна Арсеньевна

Все вы, я вижу, киснете, папочка. Опять плохо спали. Нехорошо вамъ и кофе столько пить.

Арсеній Ильичъ

Да что-жъ дѣлать-то, какъ не киснуть? Погода скверная, здоровье скверно... Что-жъ дѣлать? Мы—прошлое, другъ мой, намъ только и осталось что киснуть, пока не докиснешь... Да. (*помолчавъ*) Вотъ завтра наши уѣзжаютъ.

Анна Арсеньевна

Такъ, значитъ, окончательно рѣшено?

Арсеній Ильичъ

Завтра ѣдутъ.

Анна Арсеньевна

Тоже эгоизмъ какой у Іосифа Іосифовича. Бросить васъ однихъ. Знаетъ, что и мнѣ надо уѣзжать. Вѣдь я то не по своей волѣ, я Васю везу.

Арсеній Ильичъ

Ну, это пустяки. Со стариками имъ нечего дѣлать. Говорятъ тебѣ, мы—прошлое А имъ въ будущее надо смотрѣть. Бланкъ отличный человѣкъ, — дѣятельный такой, серьезный. Энергія...

Анна Арсеньевна

А въ Сонѣ я послѣднее время какъ-то не замѣчаю энергіи.

Арсеній Ильичъ

Русская барышня. Поймешь ее! Все неразбериха. Нынче горитъ, а завтра, глядишь, завяла. А потомъ опять ничего. Выдержки нѣтъ. Я отъ Сони, такъ сказать,

отступился. Отказываюсь тутъ что-нибудь понимать. Пусть ужъ Бланкъ. Авось онъ ее выдержкѣ научитъ. Это въ немъ, слава Богу, есть.

Анна Арсеньевна

Ахъ, папочка, Соню браните—„русская барышня“,—а сами-то развѣ не по-русски на все ворчите, и на погоду, и на Парижъ? Чудный городъ. Я совсѣмъ парижанкой сдѣлалась. Кабы не Васю везти—не выѣхала бы. Какіе люди! Эта чудная Франсуаза—прямо мой ангелъ хранитель. Вѣдь это она меня ввела въ теософское общество, а я тамъ душой отдыхаю.

Арсеній Ильичъ

Астральныя тѣла изучаешь? Что-жъ, всякому свое. И это одинъ изъ видовъ прошлаго...

Анна Арсеньевна

Какое прошлое? Это вѣчное, вѣчное.

Арсеній Ильичъ

Ну, милая моя, меня отъ вѣчностей такого сорта тошнитъ. Утѣшайся теософіями,

я тебѣ не мѣшаю; для кого же онѣ, какъ не для васъ съ Франсуазой? (*Входитъ Наталья Петровна съ Васей*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арсеній Ильичъ, Анна Арсеньевна, Наталья Петровна, Вася

Анна Арсеньевна

А вотъ, папа, Франсуаза меня все про Соню спрашиваетъ, мнѣ даже неловко. Я ужъ говорю, что, собственно, бракъ задержанъ русскими дѣлами, а какъ можно будетъ—они тотчасъ же обвѣнчаются.

Нат. Петровна

Ты бы вышелъ, Арсеній. Цѣлыми днями сидишь у камина.

Арсеній Ильичъ

Ну, на что я выйду? Куда я пойду? Грязь, толпа, скука... А тебѣ, Анюта, и чудной твоей Франсуазѣ я искренно удивляюсь. Кажется, пора бы французамъ привыкнуть къ гражданскому браку. А выходитъ, что мы, такъ сказать, терпимѣе ихъ. (*помолчавъ*)

Ну и обвѣнчаются, конечно, въ свое время. Экіе пустяки какіе.

Нат. Петровна

А Іосифъ Іосифовичъ гдѣ же?

Арсеній Ильичъ

Къ себѣ пошелъ, должно быть.

Вася

Дѣдушка! Соню въ синагогѣ вѣнчать будутъ?

Арсеній Ильичъ

Дуракъ!

Вася

Нисколько не дуракъ, а просто спрашиваю. Вѣдь онъ жидъ.

Арсеній Ильичъ

Вася, поѣдешь въ пажескій корпусъ, тамъ и безобразничай, а у меня въ домѣ прошу вздору не молоть.

Анна Арсеньевна

Папочка, ужъ я отъ него отступилась. Кажется, всѣмъ для нихъ пожертвовала,

заграницу увезла — нѣтъ. Добился-таки этотъ воинъ своего. Я ужъ отъ полковника Генца письмо получила, обѣщаетъ устроить его у себя, а къ веснѣ въ пятый классъ приготовить.

Арсеній Ильичъ

Премудрость тамъ, подумаешь, въ корпусѣ-то. Въ два мѣсяца все вызубрить можно.

Анна Арсеньевна

Отвезу его, и пускай. Какъ ужъ онъ тамъ хочетъ. Силы послѣднія изсякли. Еслибъ не Франсуаза, которая поддерживаетъ мой духъ,—я бы давно, я бы давно...

Вася

Ты опять не сдерживаешься? Вѣдь ужъ кончено, сама же говоришь, что отступилась, чего-жъ еще?

Анна Арсеньевна

Вотъ, слышите, какъ онъ съ матерью говоритъ? Нѣтъ, Шура мой, какой онъ тамъ ни на есть, Шура никогда бы...

Вася (*перебиваетъ вскакивая*)

Шура? А Шура вашъ... Шура вполнѣ достоинъ... по заслугамъ будетъ... если его когда-нибудь къ столбу привяжутъ.

Нат. Петровна

Вася! Господи, Господи! Такъ говорить... О мальчикѣ... О братѣ...

Вася

Надоѣло ужъ! Тутъ мать, тутъ братъ, тутъ дядя, — слова не скажи! Вотъ дядя Боря. Что-жъ, оттого, что онъ мнѣ дядя,— я молчать обязанъ? Нисколько. Былъ на войнѣ, служилъ въ хорошемъ полку—и вдругъ въ отставку. Что это, глупость? Или—ренегатство?

Арсеній Ильичъ

Сейчасъ же замолчи или убирайся вонъ. Я очень серьезно говорю.

Анна Арсеньевна

Боже мой, Боже мой... Какъ ты посмѣлъ?..

Арсеній Ильичъ

Брось, Анюта. Успокойтесь вы всѣ, сдѣлайте милость. И такъ невесело,—свару завели. (*Пауза*).

Анна Арсеньевна

А Боричка давно былъ у васъ?

Нат. Петровна

Да вчера заходилъ.

Анна Арсеньевна

Какой онъ миленькій въ штатскомъ. Привыкнуть не могу, не узнаю его каждый разъ. Похудѣлъ только ужасно.

Нат. Петровна

Тоскуетъ.

Анна Арсеньевна

Смерть дяди Пьера такъ его потрясла. Ему бы развлечься. Ахъ, здѣсь премилое общество. Еслибъ я не уѣзжала...

Вася

Мнѣ пора. Я ухожу.

Анна Арсеньевна

Куда ты?

Вася

Мнѣ нужно. (*Прощается и уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ

Тѣ же безъ Васи

Анна Арсеньевна

Вотъ, видѣли? И не смѣй спросить, куда. Недавно всю ночь съ какими-то мерзавцами прокутилъ. Я думала—съума сойду. Нѣтъ, въ немъ что-то ненормальное.

Арсеній Ильичъ

Ну, кутежи-то,—это, положимъ, всегда было. А вотъ ретроградство его дикое, да къ Шурѣ ненависть,—это дѣйствительно... странное что-то. Теперь молодежь, дѣти даже,—всѣ вѣдь, какъ Шура, чего глаза-то закрывать. А этотъ у тебя... дѣйствительно выродокъ какой-то.

Анна Арсеньевна

Ахъ, ужъ не знаю, что лучше. И какъ послѣ этого въ карму не вѣрить? Ясно, ихъ душамъ предстоитъ цѣлый рядъ перевоплощеній...

Арсеній Ильичъ

Пошла свою чепуху городить. (*Черезъ столовую входитъ Борисъ*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Анна Арсеньевна и Борисъ

Нат. Петровна (*встаетъ навстрѣчу*)

Здравствуй, милый мой мальчикъ.

Анна Арсеньевна

А, Боричка. (*цѣлуетъ его*)

Борисъ

Здравствуйте, милые. (*жметъ руку Арсенію Ильичу*) Сони здѣсь нѣтъ?

Арсеній Ильичъ

Ну, что, шатаешься по Парижу?

Борисъ

Брожу... Да невесело какъ-то. Имъ до насъ дѣла нѣтъ, да и намъ до нихъ тоже. И столько людей, столько люлей... Просто точно не люди, а нарочно.

Нат. Петровна

Ты, вѣдь, Боря, въ первый разъ въ Парижѣ?

Борисъ

Въ первый. И ужъ не знаю... Неужели идеалъ Россіи—Парижъ, съ равноправіемъ, кокотками, автомобилями, цилиндрами, да свободой... чтобы все это имѣть. Страшно мнѣ какъ-то...

Арсеній Ильичъ

Ну, Боря, слышали ужъ мы эту пѣсенку о гниломъ западѣ. Я ворчу на Парижъ, да вѣдь я что, моя жизнь въ прошломъ, а тебѣ не моими глазами надо смотрѣть. Сейчасъ же завелъ: западъ, западъ.

Борисъ

Да нѣтъ, дядичка, не гнилой онъ, западъ, не гнилой,—милый, святой, хорошій... только не нашъ, другой. Мы другіе. Намъ другое надо. Впрочемъ, ничего я не знаю.

Анна Арсеньевна

Поживешь,—оцѣнишь Парижъ. Сколько жизни, комфорта, свободы! Люди ласковые, простые. Живутъ естественно, какъ живется, безъ вопросовъ. У насъ все какъ-то странно, утомительно: сейчасъ же вопросы и вопросы. Точно нельзя безъ всякихъ рѣшеній жить. Брать жизнь, какой Богъ ее создалъ. Ну, я не говорю, ну вдумываться, отчего же? Но вѣдь у насъ, пойдутъ эти вопросы,—и сейчасъ же ненависть, злоба...

Нат. Петровна

Ненависть у насъ безмѣрная накопилась. Здѣсь ненависти нѣтъ, это правда. Да вѣдь за то и любви нѣтъ...

Борисъ

Тетя, тетя, милая, столько у насъ ненависти, что даже слышать другъ друга не

можемъ. Всѣ другъ друга презираютъ, въ въ чемъ-то укоряютъ, и никто никому не вѣритъ. Нѣтъ ненависти,—нѣтъ и любви, скажете? А изъ ненависти любовь вырастетъ ли еще? Вѣдь ни слова о ней, ни одного единственнаго. Забыли, что ли, или не было ее никогда? И не будетъ?

Арсеній Ильичъ

Да что тутъ о любви мечтать. Добиться бы простой человѣческой справедливости...

Борисъ

Нѣтъ, дядя, кто любовь любитъ, тому справедливости не надо. Какая ужъ справедливость въ любви? Справедливость будетъ разсуждать, кому умереть, кому жить,— а въ любви никакой смерти нѣтъ, одна жизнь... И даже совсѣмъ и жизни нѣтъ, если нѣтъ любви...

Нат. Петровна

Судьба тебя изломала, Боричка. Взвалила тебѣ на плечи столько, что не всякому вынести.

Борисъ

Нѣтъ, тетя, я изъ-за этого міра не прокляну. Я люблю ее, жизнь, и такую какъ она есть. Всегда любилъ. Только самъ-то я... вы знаете, ну что я? Всегда боялся идти впереди жизни, надъ жизнью... мечталось жить въ самой середкѣ. Думалось, не тамъ ли еще теплится искорка любви? Оторвешься, выйдешь—и очутишься въ пустотѣ. А теперь вдругъ и этого нѣтъ: жизнь сама ушла изъ подъ меня, выскользнула... И я ужъ позади, за жизнью остался. Смотрю на нее, какъ сквозь стекло. Точно въ корпусѣ, бывало, глядишь изъ окна: Садовая, извозчики, магазинъ Крафта... Ну да что обо мнѣ. Я человѣкъ конченый: Je suis un опустившійся человѣкъ,—это у Достоевскаго, кажется, кто-то говоритъ.

Арсеній Ильичъ

Право, противно тебя и слушать. Ноешь, ноешь. Совершенно какъ Соня. Ужъ если вы опустившіеся человѣки, такъ я то что? Старая калоша, которая промокаетъ. Благодарю покорно. Нѣтъ, вотъ Бланкъ—этого я понимаю. Ужъ онъ не заноетъ, руки сложа сидѣть не будетъ въ двадцать шесть

лѣтъ. И что такое случилось, скажите пожалуйста? Что случилось? Каждому поколѣнію своя жизнь, своя работа... Отжили мы, — вы живите... Слава Богу, на вашъ вѣкъ жизни хватитъ. Бланкъ совершенно правъ.

Борисъ

Да, да. Развѣ я спорю? Бланкъ совершенно правъ. Честь ему и слава.—А когда они ѣдутъ?

Арсеній Ильичъ

Завтра вечеромъ (*Входитъ Когенъ*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ

Тѣ же и Когенъ

Когенъ

Ну что, профессоръ, все у камина сидите? У васъ тепло, а у меня-то, у меня-то! Холодъ, какъ въ погребѣ.

Арсеній Ильичъ

Вы знакомы? Мой племянникъ Львовъ. Максимъ Самойловичъ Когенъ. (*Къ нему*) Ну что подѣлываете?

Анна Арсеньевна

Мама, я ухожу. Боря, прощай. До свиданія, папочка. Гуляйте каждый день, возьмите себя въ руки. Завтра приду съ нашими проститься. До свиданія, Mr. Когенъ. (*Уходитъ съ Наталіей Петровной черезъ столовую. Проводивъ дочь, Наталья Петровна остается въ столовой, приготовляя чай*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ

Арсеній Ильичъ, Когенъ, Борисъ

Когенъ

Да, да, такъ, такъ... Что я подѣлываю? Ничего, профессоръ, ничего. Читалъ вотъ въ колоніи лекцію о революціи. Теперь въ національную библіотеку хожу. Да-съ, не разсчитали мы. Кто бы могъ подумать! Вѣдь казалось—все кончено. Побѣду праздновали. И вотъ. Не угодно ли. Самая злѣйшая реакція.

Арсеній Ильичъ

Подождите, что еще весной дума скажетъ. Можетъ, амнистія...

Когенъ

И нисколько я ни на что не надѣюсь. Да и амнистія, развѣ меня вспомнятъ? Хоть бы за дѣло пострадалъ-то. Щепкой себя выброшенной чувствуешь. Выбросили и забыли. (*Къ Борису*) Давно въ Парижѣ?

Борисъ

Нѣтъ, съ недѣльку.

Когенъ

Ну и что-жъ, познакомились съ парижскими развлеченіями? Профессоръ, я переселился на Монмартръ. Въ самый центръ кабачковъ. Жизнь кипитъ вокругъ меня, всю ночь кипитъ.

Борисъ

Интересная?

Когенъ

А вотъ приходите какъ-нибудь ко мнѣ, вмѣстѣ пойдемъ. Я вамъ такое покажу... Совершенныя Аѳины. Культурная демократія. Наипоэтичнѣйшія формы порока. Здѣсь сама проституція поэтична. Ею занимаются

по призванію, деньги—дѣло второстепенное. Ну, какъ поэты стихи пишутъ. Вѣдь не для денегъ-же, хотя потомъ гонораръ и получаютъ.

Борисъ

Я былъ на дняхъ въ какомъ-то кабакѣ. Не понравилось. Добродѣтельно до... провинціализма, я бы сказалъ. И дѣловито. Народу—какъ въ метрополитенѣ. Что ужъ за сладострастіе. На сладострастіе и намека нѣтъ.

Когенъ

Нѣтъ? Вотъ какъ? Ну-съ, ничего вы значитъ, въ Парижѣ не видали-съ, ничего. (*Бланкъ входитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ

Тѣ же и Бланкъ

Бланкъ (*Когену*)

А, уважаемый редакторъ!

Когенъ

Двадцать два дня всего редакторомъ я былъ, а вотъ ужъ почти годъ въ бѣгахъ.

Бланкъ (*здороваясь съ Борисомъ, къ Когену*)

Ну и что-жъ, считаете свою роль оконченной?

Когенъ

А какъ же прикажете быть? Что дѣлать?

Бланкъ

Дѣло найти всегда можно... Да, вы знаете, мы завтра съ Соней въ Женеву ѣдемъ.

Когенъ

Ахъ, значитъ, рѣшено?

Бланкъ

Рѣшено и подписано.

Арсеній Ильичъ

Максимъ Самойловичъ изученіемъ парижскихъ нравовъ занялся. Все парижскіе кабачки посѣщаетъ.

Когенъ (*вдохновенно*)

Что кабачки! нѣтъ, нѣтъ, вы не знаете. Это Аѳины, это Александрія. Какая кра-

сота! И клянусь вамъ, только здѣсь сохранилась искренняя любовь. Истинная. До смерти, до кинжала. До слезъ умиленія.

Арсеній Ильичъ

Кто плакалъ?

Когенъ

Я, я плакалъ. Да, этого не знать—ничего не знать. И жизни мало, чтобъ это изучить.

Арсеній Ильичъ

Вотъ видите, вотъ и нашлось дѣло. (*Къ Бланку*) Слышите, Іосифъ Іосифовичъ? (*Бланкъ смѣется*).

Когенъ (*Тоже смѣется*)

Дѣло? Да... дѣло... Ахъ, профессоръ, что-жъ вы меня передъ товарищемъ компрометируете? Это, вѣдь, я такъ... А вы... Пожалуй, еще изъ партіи меня исключатъ. (*Всѣ смѣются*)

Арсеній Ильичъ

Что-жъ, это любопытно... Любопытныя наблюденія... Вы говорите—истинная лю-

бовь сохранилась. А мы вотъ тутъ только что о любви разсуждали. Что любовь...

Борисъ (*перебивая, нервно*)

Нѣтъ, дядя, дядя... Мы совсѣмъ не о любви... То есть не о той любви... Не о томъ... (*Въ столовую вошла горничная съ визитной карточкой. Наталья Петровна, взявъ ее, входитъ съ нею въ гостинную*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ

Тѣ же и Наталья Петровна

Нат. Петровна

Арсеній, тебя какой-то молодой человѣкъ желаетъ видѣть. Вотъ карточка.

Арсеній Ильичъ (*читаетъ*)

Jean Gouschine. Гущинъ, навѣрное.

Когенъ

Слышалъ эту фамилію. Кажется, декадентскій поэтъ.

Арсеній Ильичъ

Какого же чорта ему отъ меня нужно?

Нат. Петровна

По дѣлу, кажется...

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ

Тѣ же и Гущинъ (въ сюртукѣ, съ цилиндромъ).

Гущинъ

Простите, профессоръ, что я васъ побезпокоилъ...

Арсеній Ильичъ

Пожалуйста. Чѣмъ могу служить? (*представляетъ всѣхъ*) Когенъ, Львовъ, Бланкъ.

Когенъ

А я васъ гдѣ-то видѣлъ на дняхъ! Видѣлъ, положительно видѣлъ.

Гущинъ

Не знаю... Я не имѣлъ чести... Не помню. Я къ вамъ, профессоръ, за указаніями,

Я изучаю античную миѳологію. Особенно культъ Митры и Астарты. Услыхавъ, что вы тутъ, я и взялъ на себя смѣлость обратиться къ вамъ за нѣкоторыми литературными указаніями.

Когенъ

А вѣдь я вспомнилъ. Я васъ третьяго дня видѣлъ, въ раю, и въ самой неприличной позѣ.

Арсеній Ильичъ

Какъ, въ раю?

Когенъ

Тутъ есть кабачекъ такой, Le Paradis. Рай изображаютъ, съ гуріями, ну, обнаженными, конечно. При помощи зеркалъ какъ-то. Вызываютъ изъ публики желающихъ попасть въ рай, наводятъ зеркала и эффектъ получается довольно пикантный. Такъ вотъ я Mr. Гущина въ такомъ раю съ гуріями видѣлъ. (*Къ Гущину*) Вѣдь правда?

Гущинъ

Да, очень можетъ быть... Но я не вижу, какое это имѣетъ отношеніе... къ дѣлу, по которому я пришелъ...

Арсеній Ильичъ

Если вамъ угодно... Я могу вамъ дать справки по интересующему васъ вопросу... Пройдемте ко мнѣ въ кабинетъ. (*Уходятъ*)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ

Бланкъ, Когенъ, Борисъ, Наталья Петровна

Бланкъ

Типикъ.

Когенъ

Это навѣрное изъ мистическихъ анархистовъ.

Бланкъ

Что еще за чепуха?

Нат. Петровна

Пойдемте, господа, въ столовую.

Когенъ

Вы, дорогой товарищъ, отстали. Новѣйшихъ теченій не знаете. (*Беретъ Бланка подъ руку, уходятъ въ столовую*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Наталія Петровна, Борисъ

Нат. Петровна

Боря, ты идешь? Чай готовъ. (*Уходитъ*)

Борисъ (*вслѣдъ*)

Я сейчасъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Борисъ одинъ

Темнѣетъ. Борисъ садится къ камину. Молчитъ и смотритъ въ огонь. Въ столовую двери заперты. Тихо возвращается Наталія Петровна.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Борисъ, Наталія Петровна

Борисъ

Что Соня? Можно къ ней пройти? Она за мной посылала сегодня.

Нат. Петровна (*Садится около него*)

Боричка, мнѣ страшно. Ты прости, ты вѣдь, знаешь, какъ ты мнѣ дорогъ... Сама

не пойму, чего боюсь, за кого боюсь,—а боюсь. Соня темная, и ты темный, и все вы вмѣстѣ разговариваете, а послѣ разговоровъ еще темнѣй. Не понимаю я, что дѣлается, а чувствую—страшное... Ты бы сказалъ мнѣ...

Борисъ

Да что же я вамъ скажу, тетя?

Нат. Петровна

Можетъ быть, васъ мучаетъ... Ну можетъ быть Соню Бланкъ тяготитъ? Можетъ быть, она поняла, что не его, а тебя любитъ, и любила,—какъ ты ее любишь? Вѣдь ты любишь?

Борисъ (*помолчавъ*)

Нѣтъ, тетя. Не люблю.

Нат. Петровна

Ты это правду говоришь? (*Глядитъ на него*) Да, вижу, вижу, правду...

Борисъ

И она меня не любитъ. Никого мы съ ней не любимъ. (*Пауза*).

Нат. Петровна

Вотъ оно, страшное-то. Это самое страшное-то и есть: никого никто не любитъ.

Борисъ

Да какъ же быть, тетя, если нѣтъ любви? Вѣдь ея не купишь, не заработаешь. И чѣмъ намъ съ Соней любить? Ни другъ друга, ни еще кого-нибудь — нечѣмъ намъ любить. У меня—душа точно монета истертая—тоненькая претоненькая. Вотъ Бланкъ—онъ не истертая монета. Онъ, можетъ, и любитъ. И Соню любитъ, и себя любитъ, все человѣчество любитъ.

Нат. Петровна

Да вѣдь жизни нѣтъ въ тебѣ, если любви нѣтъ.

Борисъ

Можетъ быть и нѣтъ жизни.

Нат. Петровна (*вставая*)

Боря! Если такъ—умоляю тебя, прошу тебя, въ память отца твоего прошу... не говори съ Соней, не ходи къ ней теперь,

оставь ее лучше одну. Подожди. Это у тебя пройдетъ, я вѣрю, и у нея пройдетъ. Это бываетъ—и проходитъ. Вы измучены оба. Вы отдохнете, забудете... Мы старые, крѣпче вашего были. То ли еще переживали. Душа-то, Боря... вѣдь въ душѣ то стержень желѣзный.

Борисъ

Нѣту желѣзнаго стержня въ душѣ.

Нат. Петровна

Все пройдетъ, Боря, родной ты мой, все проходитъ...

Борисъ

Вотъ и мы съ Соней... Пройдемъ...

Нат. Петровна

Живы живые, живы, живы...

Борисъ

Не мучьте меня. (*Тише*) И простите. А съ Соней я не говорю такъ, не бойтесь. Ну, развѣ я... съ ней такъ говорю?

Нат. Петровна

Боря, я одна только тебя и понимаю. Знать--не знаю ничего, а вотъ понимаю. Любовью понимаю, должно быть. Слѣпая у меня, малая любовь, безсильна я помочь тебѣ,—а все чувствую, и страшно. Это ты прости меня, мальчикъ мой дорогой, что я хотѣла... чтобъ Соню ты оставилъ. Вѣрю, души у васъ живыя, сами вы только этого не знаете. Боря, вѣдь, что-жъ дѣлать-то? Вѣдь жить-то какъ-нибудь надо... (*Соня вошла незамѣтно*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Наталія Петровна, Борисъ, Соня

Соня (*улыбаясь*)

Надо? Жить надо? Я и не знала, Боря, что ты уже здѣсь. Мамочка, какое у васъ лицо! Поспорили вы съ Борей, что ли? О чемъ?

Нат. Петровна

Нѣтъ... Такъ. (*помолчавъ*) Вотъ, о тебѣ говорили. Что ты, будто, никого не любишь.

Соня

Я? Отчего не люблю? А, можетъ быть, и не люблю... Да что это, непремѣнно сейчасъ же высокія слова: любовь, любить... Дѣло дѣлать, вотъ главное. А гдѣ Іосифъ Іосифовичъ?

Борисъ

Онъ, кажется, въ столовой. (*Соня заглядываетъ поверхъ занавѣски въ стеклянную дверь столовой*)

Соня

У, да тамъ цѣлое общество. Отлично, пусть ихъ, папу развлекутъ. Онъ совсѣмъ закисъ. А тутъ еще мы съ Іосифомъ уѣзжаемъ. Ну да не надолго. Глядишь—и опять вмѣстѣ будемъ. Опять вмѣстѣ. Все проходитъ,—правда, мамочка? Вы любите это говорить.

Борисъ

Да, все проходитъ.

Соня

Есть, въ сказкѣ Андерсена, пѣсенка одна, царевна трубочисту ее поетъ, или трубочистъ царевнѣ - ужъ не помню: „ахъ

мой ангелъ, другъ мой милый, все прошло, прошло, прошло.“ Да что вы скучные какіе сегодня? А мнѣ весело. Никогда стиховъ особенно не любила, съ Андреемъ даже, бывало, ссорюсь изъ за нихъ, а сегодня почему-то такъ и звенятъ въ ушахъ, обрывками, и даже не стихи совсѣмъ, а дѣтское что-то, старое... Цвѣтики, цвѣтики лазоревые.... Лепестки, листочки маковые...

Борисъ

Тамъ поэтъ юный къ дядѣ пришелъ, въ столовой сидитъ. Изъ самыхъ новыхъ. Вотъ попроси, онъ тебѣ почитаетъ. Авось еще больше развеселишься.

Соня

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ни за что! Оставь! Какъ тебѣ не стыдно? (*тише*) Я вѣдь не люблю декадентскихъ стиховъ. Въ нихъ магіи, волшебства нѣтъ. Ужъ лучше я старенькое, дѣтское, прошлое... Да и глупости все, вѣдь это я такъ...

Борисъ

Неправда, не всѣ новые бранила. Ты же сама...

Соня

Я знаю, знаю, про что ты вспомнилъ!

Борисъ

Про что?

Соня

Я люблю одни... Андрюшины... „Въ голубые священные дни распускаются красные маки“... Да? Да?

Борисъ

Да, про это.

Соня (*продолжая*)

„... Здѣсь и тамъ лепестки ихъ,—огни,—подаютъ намъ тревожные знаки“... Какъ дальше? Про зори красныя? Не помню.. А кончается... Подожди...

Скоро солнце взойдетъ
Посмотрите,
Зори красныя.
Выносите
Стяги ясные...

Борисъ

Это не конецъ. Конецъ я хорошо помню. Мы еще о второй строчкѣ спорили, хоть я и ничего не понимаю. Конецъ такой:

Краснымъ полымемъ всходитъ любовь—

Нат. Петровна (*тихо*)

Зачѣмъ вы?..

Борисъ

Цвѣтъ любви на землѣ одинаковъ...
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганныхъ маковъ...

Соня

Ну да, ну да... Вотъ откуда у меня, должно быть, и звенитъ въ головѣ: лепестки, листочки маковые... алые... Только проще... Я простое люблю... Андрюша, и онъ все-таки... (*перебиваетъ себя*) Мамочка, простите, милая, дорогая. Ахъ, какая я глупая. Вамъ непріятно?

Нат. Петровна

Соня, дѣточка моя... Ну что я... А вотъ

ты... сядь лучше сюда, посиди тихонько. Можетъ поговоримъ... Всѣ вмѣстѣ.

Соня

Поговоримъ? О чемъ? Все о томъ же, что нѣтъ, молъ, ни у кого любви, да какъ это скверно, что нѣтъ, да откуда бы ее добыть... Охъ, мама, скучно, надоѣло. Вѣдь все равно ни до чего не договоримся.

Нат. Петровна

Соня, Соня!

Соня

Что, Соня? Я только правду сказала. Ну, не сердитесь, мамочка, милая. Я буду серьезно. (*Садится около матери*) Нужна ли, не нужна ли любовь, у всякой ли цвѣтъ одинаковый—что мы знаемъ? И ужъ разъ нѣтъ любви никакой,—такъ ужъ никто этому не поможетъ. Ну кто поможетъ? Кто? Скажите кто, если знаете...

Нат. Петровна

Я-то знаю, кто... Я знаю...

Соня

А я не знаю. Нѣтъ, право... Бросимъ лучше. (*Молчатъ*)

Соня

Боря, вотъ я уѣду, и мы съ тобой долго не увидимся. А потомъ опять увидимся. Ты что будешь дѣлать?

Борисъ

Не знаю, я думаю...

Соня (*перебивая живо*)

Что ты думаешь?

Борисъ

Нѣтъ, ничего. Кажется, что думаешь что-то, а захочешь сказать—и нечего. И дѣлать совсѣмъ нечего. Ничего не буду дѣлать.

Соня (*задумчиво*)

Да... Ну что-жъ. Развѣ нѣтъ такихъ людей, которымъ нужно именно ничего не дѣлать? А просто жить. Ѣсть, спать, гулять... И чтобъ съ правомъ такъ жить, чувствовать, что невиноватъ...

Нат. Петровна

Всѣ виноваты, Соня.

Соня (*не слушая*)

А потомъ тихо съ постельки,—въ гробочекъ, въ другую постельку, темную... И главное—просто. Тогда не страшно. Пусть тамъ, что хочетъ со мной дѣлается, а я ничего не буду дѣлать, ну и невиновата.

Борисъ (*вставая*)

Нѣтъ, Соня. Я не могу. Мнѣ тяжело. Ты такая... такая страшная сегодня...

Нат. Петровна

Боричка, не уходи. Она ничего, ну пусть она говоритъ, что хочетъ. Вѣдь говорить — легче.

Соня

Развѣ я тебя обидѣла? Ну, прости. Я, вѣдь, всегда тебя обижала, а потомъ прощенія попрошу—ты и простишь. Помните, мамочка, какъ вы меня разъ въ Тимофеевскомъ, за Борю наказали? Давно-давно... Я ему курточку разорвала. Я была ви-

новата,—и долго его потомъ за это ненавидѣла. А потомъ помирились. Помнишь, Боря? Вѣдь хорошо было? А рощу Тимофеевскую помнишь? Какъ мы разъ тамъ съ Андрюшей, и съ дядей Пьеромъ еще... Ну, да что объ нихъ. Я вотъ мы съ тобой... Мы съ тобой...

Нат. Петровна (*плача*)

Соня, милая моя, родная ты моя, да что же случилось-то? Вѣдь ничего не случилось, вѣдь мы всѣ любимъ тебя...

Борисъ

Не надо. Оставьте ее.

Соня (*вставая, просто*)

Да, да. Это я такъ, разнервничалась. Пустяки. Все пройдетъ. Ужъ прошло. А вотъ что ничего не случилось—это вы неправы, мама. Развѣ такъ,-таки ничего и не случилось? Вотъ вы сейчасъ сказали, что всѣ виноваты. Довольно и этому было случиться,—чтобы всѣ виноваты стали. Это ужъ очень много. Вздоръ я сказала, неправду, что все прошло. Мы виноваты, и

этому не пройти, этого не забыть... Прошло, что мы были невиноваты, а случилось, что стали виноваты. И съ этимъ нельзя... нельзя...

Борисъ

Что нельзя?

Соня

Съ этимъ нельзя... *(Входятъ изъ столовой Бланкъ, Когенъ, Арсеній Ильичъ и Гущинъ)*

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Тѣ же и Бланкъ, Когенъ, Арсеній Ильичъ, Гущинъ

Бланкъ

Что нельзя? Что нельзя? Все можно. Намъ только что молодой поэтъ доказалъ, что все можно.

Когенъ

Удивительная это вещь, Іосифъ Іосифовичъ! Въ Петербургѣ, на фонѣ революціи пышнымъ цвѣтомъ расцвѣло декадентство: не литературное только,—жизненное, жизненное. Они въ жизнь это проводятъ: непріятіе міра, діонисіанство, оргіазмъ, миѳо-

творчество... Началось, я вамъ говорю, рѣшительно что-то началось!

Бланкъ

Одно вотъ: какъ же это они сразу проводятъ въ жизнь, — и непріятіе міра и оргіазмъ. Оргіазмъ то, значитъ, пріемлютъ?

Гущинъ

Насколько мнѣ кажется, вопросы красоты не должны интересовать г-на Бланка.

Арсеній Ильичъ

Ну, красота красотѣ рознь.

Когенъ

Я тутъ бываю на собраніяхъ молодыхъ французскихъ поэтовъ. Совпаденіе міросозерцаній поразительное. Несомнѣнно, Россія пріобщается къ европейской культурѣ. Національная обособленность кончилась.

Соня

Что-жъ, по вашему, Россія кончилась?

Бланкъ

Старая-то, конечно, кончилась. А съ ней вмѣстѣ и національный идеалъ. Есть человѣчество. Чередъ за классовой борьбой, а не національной.

Арсеній Ильичъ

Вотъ какъ. А я вамъ долженъ сказать, что это не исторично. Оперируете надъ отвлеченнымъ началомъ. У каждаго народа своя плоть. Не могу себѣ представить античной Греціи безъ синяго моря, безъ желтыхъ горъ, безъ Елевзинскихъ мистерій, безъ маслинъ сѣрыхъ да теплаго мрамора. Не могу себѣ представить...

Соня

Вѣрно, папочка, вѣрно. У народа и душа своя, и плоть своя. Нельзя ихъ убивать. Я не знаю, что съ Россіей будетъ, а только одно мнѣ ясно: кто не любитъ русскій перелѣсокъ, да василекъ и макъ во ржи, да проселокъ съ колеями, да зеленую церковную луковку, тотъ не знаетъ и не любитъ Россію. Если василька синяго не надо, да маковыхъ огоньковъ не надо, если все равно, что они, что апельсинное дерево,—

тогда и ничего не надо. Тогда ужъ лучше сразу отдать все, все. Не нужна мнѣ Россія безъ василька.

Бланкъ

Что это? Какой усталый романтизмъ! Боязнь жизни. Точно русская революція случайна, безпочвенна. Да она сама—роскошный цвѣтокъ, который стоитъ всѣхъ твоихъ васильковъ. Пускай себѣ старые васильки да маки погибаютъ. Выростутъ новые цвѣты, доступные всему человѣчеству, а не однимъ избраннымъ.

Борисъ

Да не хочу я этихъ новыхъ! Противные они у васъ какіе-то, бумажные. Коли пропадать живымъ нашимъ, такъ къ чорту и Россію, эту вонючую дыру.

Когенъ

И дались вамъ злосчастные васильки да маки. Тутъ, въ Парижѣ ихъ сколько угодно, изъ Ниццы каждый день привозятъ. И маки не такіе, какъ у насъ по межамъ, а прелестные, крупные, махровые, и всѣхъ

цвѣтовъ. На бульварахъ старухи продаютъ, ну и покупайте.

Борисъ

На бульварахъ все продается, да наши маки не покупные. Впрочемъ, что спорить? Разные мы люди.

Гущинъ (*встаетъ*)

Я никогда не могъ понять споровъ. Къ чему убѣждать другъ друга? Общаться нужно не мыслями, а ощущеніями. У васъ, Софья Арсеньевна, ощущенія очень тонкія. Я ихъ вполнѣ понимаю.

Соня

Очень жаль.

Гущинъ

Позвольте васъ поблагодарить, профессоръ, за цѣнныя указанія. (*Прощается*)

Арсеній Ильичъ

Не стоитъ, не стоитъ. (*Гущинъ дѣлаетъ общій поклонъ*)

Когенъ

Погодите, я съ вами. Хочу васъ немножко проинтервьюировать. Іосифъ Іоси-

фовичъ, до свиданія, до завтра. (*Быстро прощается со всѣми и уходитъ, разговаривая съ Гущинымъ. Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна и Борисъ провожаютъ до столовой*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ же безъ Когена и Гущина

Бланкъ (*отводитъ Соню на авансцену*)

Что съ тобой? Я тобой очень недоволенъ. Распускаешься. Возьми себя въ руки. При другихъ, по крайней мѣрѣ, держала бы себя прилично. Письма отправила?

Соня

Нѣтъ.

Бланкъ

Ну, это, наконецъ, просто свинство. Вѣдь я просилъ тебя. И того сдѣлать не могла. Это все вліяніе разслабленнаго кузена.

Соня (*спокойно*)

Не говори вздору.

Бланкъ

Надо уходить, мнѣ некогда, дѣлъ еще куча до завтра. Дай письма, я самъ ихъ снесу. (*Уходитъ съ Соней налѣво*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Борисъ

Борисъ

До чего декадентство испошлилось.

Арсеній Ильичъ

А развѣ оно было когда-нибудь не пошлымъ?

Борисъ

Въ немъ была своя глубина. Свой соблазнъ. А теперь слякоть какая-то пошла. Впрочемъ, можетъ быть, я самъ слякоть, оттого и злобствую.

Нат. Петровна

Боря, это все пузыри на водѣ. А важное въ глубинѣ происходитъ. (*Соня входитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ

Тѣ же и Соня

Соня

Ушелъ декадентъ.

Нат. Петровна

Соскучилась ты по Россіи, милая. Ну ничего. Весной дастъ Богъ все устроится, можетъ, и въ Тимофеевское еще поѣдемъ.

Соня

Въ Тимофеевское, въ Тимофеевское... Нѣтъ, мама, не поѣдемъ, нельзя. И не надо. И не хочу въ Россію. Я въ Россію не вернусь. А ты, Боря?

Борисъ

Нѣтъ.

Арсеній Ильичъ

Такъ что же вы тутъ дѣлать-то будете заграницей?

Борисъ

Жить... или умирать.

Арсеній Ильичъ

Экіе вы старики. Никакой игры въ васъ нѣту.

Соня

Да, нѣту, нѣту... Ничего нѣту. Старики, синіе васильки... Эхъ скучно, тушите огни. Такъ, кажется, Никита во власти тьмы говоритъ?

Арсеній Ильичъ

Да тушить-то нечего. Зажечь пора. Что это, темнота какая. (*Входитъ горничная*)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Тѣ же и горничная, которая подаетъ Натальѣ Петровнѣ телеграмму, и тотчасъ выходитъ

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Тѣ же безъ горничной

Нат. Петровна (*читая*)

Анюта проситъ пріѣхать сейчасъ же. Съ мальчиками неладно.

Арсеній Ильичъ

Ну, что тамъ, пустяки.

Нат. Петровна

Нѣтъ, съѣздить надо. Поѣдемъ-ка со мной.

Арсеній Ильичъ

Избавь, голубушка.

Соня (*торопливо*)

Нѣтъ, нѣтъ, папа непремѣнно поѣзжайте, непремѣнно! Нельзя же такъ, въ самомъ дѣлѣ. Проѣдетесь. Поѣзжайте.

Арсеній Ильичъ

Да чего ты? Ну хорошо, хорошо. Поѣду. Боря, ты обѣдаешь? Я не прощаюсь.

Борисъ

Не... не знаю, право.

Арсеній Ильичъ

Чего тамъ, оставайся. И куда пойдешь? А мы сейчасъ назадъ. (*Уходитъ Наталья Петровна тоже, Борисъ за ними*).

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Соня одна

Соня

Цвѣтики, цвѣтики лазоревые... Лепестки; листочки маковые... алые... Лепестки, лепестки ихъ огни... (*Идетъ къ двери*) Боря! Боря! Да гдѣ же ты? (*Борисъ за дверями: „я иду“*)

Соня

Иди, иди скорѣе! Иди сюда! (*Борисъ входитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Соня, Борисъ

Борисъ

Да что тебѣ? Ты торопишься, что ли, куда-нибудь?

Соня

Очень, очень тороплюсь. Нѣтъ, просто я хотѣла скорѣе, мнѣ тебя нужно. Я вѣдь за тобой посылала... Они уѣхали?

Борисъ

Уѣхали.

Соня

Какъ хорошо. И мама. Я, главное, мамы все боюсь. Я рада, когда ея дома нѣтъ. Сядь, послушай.

Борисъ (*садясь*)

Я долго не могу, Соня. Я тоже хотѣлъ уѣхать. Голова какъ-то идетъ кругомъ. Послѣ...

Соня

Нѣтъ, нѣтъ, я тебя не задержу. Я сейчасъ. Постой... Да... Что я думала? Ты меня спуталъ...

Борисъ

Тебѣ нездоровится, Соня, ты устала...

Соня

Перестань, оставь это,—некогда. Слушай. Я буду спрашивать, а ты отвѣчай, но только правду. Полную правду. Такъ нужно. Хорошо?

Борисъ

Я тебѣ никогда не лгалъ.

Соня

Вѣдь ты меня не любишь?

Борисъ

Нѣтъ, Соня. Прежде любилъ. Въ Мукденѣ любилъ. И потомъ любилъ. А теперь не думаю какъ-то объ этомъ. Да и ни о чемъ не думаю.

Соня

Ну да, ну да, вотъ и я тоже. Какъ тутъ думать, какъ тутъ любить. Андрея убили, дядю Пьера убили... Мама осталась, живая, осталась... Бланкъ говоритъ, что я должна что-то дѣлать. Я не знаю, что я должна, чего не должна. У меня кошмаръ: все кажется, что Андрей дядю Пьера убилъ, а дядя Пьеръ—Андрея.

Борисъ

А мнѣ казалось, что это я Андрея убилъ. И хочется, чтобъ меня Андрей убилъ.

Соня

Хочется? Значитъ, жить просто, вотъ какъ я говорила, просто жить—нельзя?

Борисъ

Нельзя.

Соня

Пойми, намъ нельзя. Намъ некуда. Или дядю Пьера убивать, или Андрея, — если жить. Понимаешь?

Борисъ

Нѣтъ. Только чувствую.

Соня (*быстрымъ шопотомъ*)

Ты застрѣлиться хотѣлъ? Да?

Борисъ

Да.

Соня

Когда? Сегодня?

Борисъ

Не знаю. Можетъ быть.

Соня

А я?

Борисъ (*молчитъ, потомъ вдругъ встаетъ, громко*)

Это какое-то безуміе, Соня. Какъ тебѣ не стыдно! Никто не хотѣлъ стрѣляться, можешь успокоиться. Это у тебя нервы, это недостойно. Ты должна думать объ отцѣ съ матерью; у тебя есть человѣкъ, который любитъ тебя, съ которымъ ты связана... Наконецъ и дѣло у тебя есть, плохо ли, хорошо ли--должна же ты его дѣлать. Вспомни, вѣдь ты завтра уѣзжаешь. А теперь прощай. Я не могу больше. У меня голова болитъ.

Соня (*смотритъ на него и смѣется*)

Прощай. Ну? Чтожъ ты не уходишь? Вѣдь у тебя голова болитъ, а я завтра ѣду въ Женеву, дѣлать дѣло... (*Смѣется*) Нѣтъ, ты въ самомъ дѣлѣ, ты искренно думалъ, что я уѣду?

Борисъ (*медленно садясь*)

Не уѣдешь?

Соня

Вѣрилъ, что уѣду?

Борисъ

Я... не вѣрилъ. Нѣтъ, ничего я не думалъ. Ничего не зналъ.

Соня

Передъ виноватыми, Боря, черная стѣна встаетъ, и закрываетъ будущее, все: и дѣло, и бездѣлье,—всю жизнь. Такъ что двинуться впередъ ужъ некуда. Некуда, — а надо. Надо,—а некуда.

Борисъ

Соня, ты бредишь?

Соня

Нѣтъ, другъ мой. Я слишкомъ спокойна. Ты думаешь, я хочу умирать? Не хочу. Да какъ же быть-то, милый, если некуда? Я и не хочу, а умирается. И ты, развѣ, хочешь? А вотъ и тебѣ умирается.

Борисъ

Не буду я тебя слушать, не могу я тебя слушать.

Соня

Боря, вспомни своего отца. Ты не видѣлъ, какъ его убили? А видѣлъ, какъ Анд-

рея убивали? Послушай: можетъ теперь людямъ, тѣмъ, кто не умѣетъ только жить, знаетъ, что нельзя только жить,—можетъ имъ одно и осталось дѣло настоящее—убивать? Одно и осталось?..

Борисъ

Соня, Соня, молчи.

Соня

Другого и нѣтъ теперь никакого... Другія всѣ дѣла--такъ, обманъ, вздоръ, бездѣлье. А если этого не хочешь, если этого не можешь...

Борисъ

И не хочу, и не могу, и нельзя...

Соня

Тогда надо умереть. Всѣ Андреи, всѣ дяди Пьеры, всѣ виноваты. Намъ нужно или убивать, или быть убитымъ, или же... Чѣмъ же намъ жить? Боря, ну развѣ ты не видишь, ну развѣ ты не видишь? Вѣдь все равно, вѣдь не сегодня—такъ завтра, вѣдь не вмѣстѣ—такъ порознь... Боря!

Борисъ

Что же ты... Чего же ты хочешь?

Соня

У тебя здѣсь? Гдѣ? Здѣсь? Съ собой?

Борисъ

Не трогай меня... Не ищи... Здѣсь.

Соня

И знаешь, Боря, надо просто, просто, совсѣмъ ни о чемъ не думая. Мы жить „просто“ не умѣемъ, а это... съумѣемъ просто, да? Главное—ни о чемъ не думать. Можетъ, о глупостяхъ, о дѣтствѣ, помнишь, какъ мы съ тобой въ Тимофеевскомъ за ригой колокольчики рвали, а я говорила, что они „лазоревые“, а ты спорилъ—лиловые.. Помнишь?

Борисъ

Соня, Соня... Мнѣ страшно...

Соня

Отчего страшно? Ну, хочешь—я сначала... Я сама... Или какъ хочешь. Мнѣ все равно.

Борисъ

А мама?

Соня

Не думай, не говори о мамѣ, не вспоминай. Она счастливая. Она правая, она живая. И дядя Пьеръ живой. И Андрей... А мы мертвые. Мы все равно мертвые, и намъ... намъ... честнѣе...

Борисъ

Соня... Ради Бога...

Соня

Что? Ну не надо. Ну успокоимся. Уходи, уходи скорѣе, оставь меня. Что я дѣлаю съ тобой! Я не о тебѣ говорила, забудь... Я ничего не знаю о тебѣ...

Борисъ

Нѣтъ, Соня, ты знаешь.

Соня

Вотъ... и мнѣ дѣлается страшно. Ты не можешь не думая, ты не можешь просто... Просто, радостно, свѣтло... Здѣсь? (*Вынимаетъ у него изъ кармана револьверъ и кладетъ рядомъ на столъ*).

Борисъ

Кажется, могу. Да, могу, Соня... родная... дѣвочка моя... Сестра моя маленькая.. Только такъ и могу. Ни о чемъ не думать, вотъ о макахъ полевыхъ, о дорогѣ проселочной... Прощаться съ ними...

Соня

Безъ страха, безъ боли, только съ нѣжностью, да? Пусть они будутъ, милые, пусть разгораются огоньки алые... И другъ съ другомъ мы также простимся, хочешь? Поцѣлуемся крѣпко-крѣпко, хочешь?

Борисъ (*обнявъ ее*)

Соня, я знаю, я чувствую, тутъ вина на вину, и ты знаешь... А мнѣ легко, точно все... простится.

Соня

Ужъ простилось гдѣ-то, милый. Вѣдь очень мы были несчастные. Очень слабые. И такъ мы любили... Такъ мы съ тобой все... любили... (*беретъ въ руку револьверъ*)

ЗАНАВѢСЪ

330

„ТРИЛОГІЯ“ Д. С. Мережковскаго

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

„ХРИСТОСЪ и АНТИХРИСТЪ“,

состоящая изъ трехъ частей:

1) **Смерть боговъ** (Юліанъ Отступникъ),

2) **Воскресшіе боги** (Леонардо да-Винчи),

3) **Антихристъ** (Петръ и Алексѣй).

Цѣна I-ой	части	въ простомъ	изданіи	1 р. 25 к.,	въ изящномъ	— 2 р.	—
„ II-ой	„	„	„	2 р. 50 к.	„	3 р. 50 к.	
III-ей	„	„	„	2 „ —	„	3 р. —	

Выписывающіе изъ Склада на сумму свыше 1 р. за пересылку не платятъ.—

Каталогъ высылается за 7-миноп. марку по первому требованію.

Эрбенга и П. Гершунина. Екатерин. кан. № 71—6.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3460
G5M3

Gippius, Zinaida Nikolaevna
Makov tsviet

35

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 05 03 02 008 1